

И.А. Ицков

Остановиться,
оглянуться...

Илья Львович Ицков

Остановиться, оглянуться...

(Поэтический дневник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50735287

Остановиться, оглянуться... (Поэтический дневник): Москва; 2019

ISBN 978-5-7164-0972-9

Аннотация

Новая, четвертая по счёту, книга Ильи Ицкова – филолога, режиссёра, педагога, предпринимателя, составлена на основе дневниковых заметок разных лет. Соединяя в себе различные пространственно-временные пласты, она открывает перед читателем широкую историческую панораму.

Искренность, исповедальность, лиричность и глубина чувств, присущие его стихам и эссеистике, высвечивание новых образов и смыслов в знакомом и привычном – всё это свидетельствует о ярком поэтическом даре автора и делает его интересным собеседником для широкого круга любителей современной поэзии.

Содержание

От автора	10
«Как трудно жить с поэтом...»	12
Ретро-мозаика	14
«Листья кружат и падают...»	18
«Не загадываю, да и не таю...»	20
«Люблю, когда улягутся стихи...»	21
«Тревожит время суетой...»	22
«Вот снова белые листы...»	23
«Седеют те люди, которых я знал молодыми...»	25
«Успей доснять костры, горящий пруд...»	26
«Я тебя уже не вспомню, если встречу...»	27
«Уже вступаете Вы в осень...»	29
«По звуку осень...»	30
«Вдруг столько зимы...»	31
«Покаянный бег времен...»	32
«А по снегу, по снегу...»	33
«Срывалась погода на резкий...»	34
«Летом хоронили бабушку...»	35
Бабушка	36
«Я запускал давно бумажный змей...»	44
«Мама, что-то я делал не так...»	46
«Мне было подарено долгое детство...»	48
«Мой двор и несколько семей...»	50

«Который год сюда я приезжаю...»	51
Свенский монастырь	52
Красный Рог	55
«Однажды Овстуг, так нечаянно...»	57
«Скользит расстоянье к эпохе конца...»	59
«На пределе возможного...»	61
«Юрьевский переулочек...»	62
«Что ни крест...»	63
«Певчая птица...»	64
«Всё забывается...»	65
Евгений Леонов	66
Смоленский этюд	70
«Послушницы мои...»	72
«Николо-Сольбинская участь...»	74
«Был рассвет. За окошком...»	76
А. Галибин: Ростов. Дивеево	77
«Мы крещены одним рассветом...»	79
«Каруселит площадь...»	80
«На Благовещение – сегодня Благовещенск...»	82
«Забреду за тишиной...»	83
«30 июня 1985 года. Смотрю "Чужие письма" ...»	85
«К Чудскому острову прильну...»	86
«В том колодце...»	87
«И правда, не остановить...»	88
«Издавека, далёко-далека...»	89
«Вечерний храм...»	90

«И ты была не ты...»	91
«Хрупкие коридоры...»	93
«Белый музей посреди кисловодского лета...»	94
«Я хотел, чтобы дом, в котором живёшь...»	96
«Твой гостиничный номер закрыт...»	97
«Неслышно и легко...»	99
«Сухая прошлогодняя листва...»	101
«Не выйдешь из этого парка...»	103
«Открытки в тихой лавке букиниста...»	105
«Скребется мышь по полкам...»	106
«Метели вдруг осиротели...»	107
«Заведомо знаю, что будет...»	108
«У зеркала, как тень...»	109
«2001 год. Я живу в доме Академии наук...»	110
«2008 год. Москва. 36-й километр...»	113
«Мы живем в плену у своих воспоминаний...»	114
Л. Дуров	116
«Всё равно стихи...»	122
«6 января 1984 года.» (О Театре Г. Мацкявичюса)	124
Стокгольм. Утро	128
«Январь 1986 года. Готовлю реферат...»	129
«Неожиданно Грузия...»	131
«Всю жизнь я ехал, Грузия, к тебе...»	133
«Кахетия. Алазанская долина...»	135
«И опадала брэнная листва...»	136

«Отошли куда-то...»	137
«Боржомское ущелье...»	139
«Открывается храм на горе...»	140
«Монастырь зелёный на горе...»	141
«Посох ударит...»	143
«В ресторанчике у Резо...»	145
«Я вернусь к тифлисским улочкам...»	147
«1991 год.» (Харьков. Спектакль М. Анджапаридзе)	149
«Княжна Медея. Тихий вечер...»	150
«Мтацминда – долгосрочное свиданье...»	152
Картина художника Урушадзе	153
«Я почему-то не приезжал к тебе, мой город...»	155
«Возвращаемся, Севан, возвращаемся...»	156
«Всё было так: и лес на посошок...»	157
«Как осень уходит...»	159
«Если ты вернёшься ко мне...»	160
«На ступеньке вагона...»	162
«В небольшом ресторанчике в Москве...»	163
«Что-то очень знакомое...»	164
«Челябинские мысли, миг музейный...»	165
«Острова под крылом самолета...»	166
Ю. Розум	167
«В баритоновом детстве...»	170
«Взрослеем, стареем, мудреем...»	172
«По приёмнику, что далече от сцен...»	173

«В 12 от Шопена вышел...»	174
«И музыка набело, набело...»	176
«На стену, где солнце...»	177
«Твоя карта висит у меня на стене...»	179
«Утрачена в строке простая запятая...»	180
«Трава и снег...»	182
«О, как я Вас тогда любил!»	183
«В среду утром 21-го...»	184
«Вы как-то о своём...»	185
«Когда божественно мосты...»	186
«Читаешь Пушкина, листаешь...»	188
Туминас	190
«Я не про театр – я про жизнь...»	193
«Шар залетит, отчаянно бильярдный...»	194
«До Менлихена горы, горы...»	195
«Март 2018 года. Смотрел спектакль Аллы Демидовой...»	196
Остановиться, оглянуться	198
«Как давно и как недавно это было...»	199
В. Прохоров	202
«Май 2010 года. Иду на Шапиро...»	204
Открытка из Парижа	206
«Проснуться в Париже. Окошко открыть...»	208
«Сударыня, кажется, март...»	210
«Ноябрь 2009 года. Париж...»	212
«2013 год. В фойе Гранд-опера...»	215

Илья Ицков
Остановиться,
оглянуться...
(Поэтический дневник)

*Издание осуществлено при содействии инвестиционного
фонда «Custodian»*

© И.Л. Ицков, 2019

© В.М. Эйдинова, обложка, 2019

* * *

От автора

Валюше с любовью

Ну вот, похоже, работа над книгой наконец завершилась. Это как дитя: в какой-то момент тебе кажется, что оно уже вполне готово к самостоятельной жизни и больше не нуждается в твоём попечении, но всё равно хочется где-то поправить, что-то добавить, придать какой-то новый дополнительный смысл ушедшим в прошлое событиям. Ведь остаётся ещё очень много разного рода материалов, писем, стихов, памяти о том подлинно уникальном, неповторимом, в котором я нахожу индивидуальность, освещающую всё происходящее своим ярким светом. Светом, который не меркнет с годами.

Вот я читаю книгу о Рихтере и вспоминаю его репетиции на Декабрьских вечерах в Пушкинском музее. Его подготовку концертного исполнения оперы «Буря» Пёрселла, соединившего гениального Шекспира с потрясающей музыкой. Вижу его ясно и отчетливо, будто сегодня. Он строг и точен в замечаниях, наивен в поведении. Большой крест поверх одежды. Движения ребяческие, быстрые. Самозабвенная погружённость и в текст, и в музыку, которую играет.

А вот ещё одна маленькая незабываемая история – один вечер с Львом Константиновичем Дуровым: столько эмо-

ций, столько юмора, прелестных баек и столько глубокого понимания феномена Эфроса, столько преданности великому Мастеру.

Вот мой Кронштадт, Питер, Ваймар. Встречи, репетиции, театральные премьеры. Открытия, откровения...

Вот растут мои дети, потом внуки. Каждая встреча с ними – праздник и источник обновления, пересмотра каких-то своих привычек, установок.

Пока складывалась эта книга, родился ещё один поэтический сборник – «Сто картин». Сто стихов к шедеврам мировой живописи.

Одним словом, жизнь продолжается, неумолимо ускоряя свой бег. Но надо уметь и «остановиться, оглянуться».

Любимой моей жене, всем родным и близким, друзьям посвящаю я эту книгу.

«Как трудно жить с поэтом...»

* * *

Как трудно жить с поэтом!
Зимой, весной и летом,
Зимой, весной и летом,
И долгою зимой —
Читает до рассвета,
Витает в мыслях где-то,
Зовёшь – и нет ответа:
Он где-то сам с собой.

Он свет не выключает,
Печаль не замечает,
Лишь осень подтверждает
И листьев дивный след.
Он громко рассуждает,
Друзей не забывает,
И часто повторяет
Придуманный ответ.

Волшебные минуты,
Забывтые маршруты
Подарит он кому-то

И по чуть-чуть себе.
Вот гасит свет как будто. —
Зачем? Ведь скоро утро!
И снова, снова, снова —
Прогулка по судьбе,

И в горные приметы
Там, на исходе лета,
Где новые секреты
Летят под облака.
Так трудно жить с поэтом —
Зимой, весной и летом,
Зимой, весной и летом
Дорога нелегка.

Как горная река —
Шумит, шумит пока...

2018

Ретро-мозаика

*Майскими короткими ночами
Отгремев, закончились бои.*

1

Дом отдыха «Вьюнки».
Оркестр играет марш —
Послевоенных лет
Особая примета.
Фотограф вдалеке.
Количество мамаш
С количеством детей
Распределяют лето.

Всё озеро в листве,
Безумная жара.
И кто-то патефон
Уговорит не быстро.
И танцы до утра,
И драки до утра,
И бабушкин салат
На скатерти пятнистой.

Дом отдыха «Вьюнки».
Шипит аккордеон,
Собаки детвору лениво догоняют.
И детство, что давно посажено на трон,
Фотографы сейчас так тщательно снимают.

2

Зинка проповедь или исповедь
В суете наваристых плит,
Самогоночка мигом вызрела,
Половиц запоздалый всхлип.
Абажуром печаль подсвечена,
До весны ну совсем чуток, —
Сбросить таинство подвенечное
И забраться к судьбе в закуток.
Да потешиться, да покаяться, —
Утро вынесет к образам.
Что поделится, то останется
На всю жизнь ненасытную нам.

Зинка проповедь
Или исповедь,
Зинка около
Или исподволь.

3

Кожа была похожа на мою.
Крепдешин метался. И оползнем – к твоим ногам.
Всю эту жизнь об одном тебя молю:
Чтобы ты приходила чаще по вечерам.

Из той истории, где улицы ближе к цветам,
Где палисадник для свадеб и для судеб,
Где мир кладбищенский тянется прямо к лесам,
Где за околицей ещё вырастает хлеб,

И только свежестью выдохнет простыня,
И половицы украдкой махнут в бемоль, —
На расстоянии вытянутого дня
Ожидание, проводы и щемящая боль.

Всё испито глотком ледяной воды,
Лишь многоточие прикручивается к словам.
Рушатся расстоянья, надежды, мосты —
Крепдешин, что оползнем к твоим ногам.

4

Темнеет старый сад.
Луна на старой лавке,
А где-то в глубине —
Заблудшее танго.
И ты стоишь одна
В господской старой арке
И я бегу к тебе;
До ночи далеко.
Клеши, как паруса,
Твои глаза украдкой
Ту полночь сторожат
Уже который год,
И слышится танго
На старой танцплощадке,
И молодой отец
За памятью бредёт.

2019

«Листья кружат и падают...»

* * *

Листья кружат и падают,
И теряют свой след,
Исчезают и радуют
Во дворах напослед.

И шуршат сновидения,
И тревожат дворы,
И умчат воскресением
В иные миры.

Ветер чуть поторопится,
Закружит, закружит;
Жёлто-красным пророчеством
О судьбе ворожит.

И ещё на мгновение
Остановит свой взгляд:
Листья – птицы осенние —
Всё летят и летят.

2019

«Не загадываю, да и не таю...»

* * *

Не загадываю, да и не таю, —
Все давным-давно отмерено судьбой.
Сочиняю биографию свою
Про разлуку, про удачу,
Про любовь.

1998

«Люблю, когда улягутся стихи...»

* * *

Люблю, когда улягутся стихи,
И строки из эмоций жизнью станут,
Когда они послушны и тихи,
Не выдадут, простят и не обманут.

1998

«Тревожит время суетой...»

* * *

Тревожит время суетой,
Вокзалом ранним.
Бежит по рельсам за тобой
Воспоминанье.
Смахнешь с усталого окна
Пылинку-память,
Но вновь появится она
В ночи стихами.
И затревожит, и простит
Судьбы причуды.
И жизнь на жизнь благословит,
Поверив в чудо.

1993

«Вот снова белые листы...»

*Сторожить молоко я поставлен тобой, Потому
что оно норовит убежать.*

А. Кушнер

Александрю Кушнеру

* * *

Вот снова белые листы,
Они пока ещё чисты,
Но вот нагрянет первый снег,
Потянется к началу рек,
Потом растает под капель
Мой снежный ком.
Мой добрый Лель,
Как все бессильно и легко!
Вот закипает молоко.
Как наважденье, через край,
И подступает к горлу май.
Нет, всё не так.
Ты у окна,
Дорога дальняя видна,
И ветер отгоняет боль,

И мы счастливые с тобой
Там, в дальней дымке грозовой.
Как наши помыслы чисты —
Как эти белые листы.

2004

«Седеют те люди, которых я знал молодыми...»

* * *

Седеют те люди, которых я знал молодыми.
Стареют вокзалы, и песни поются не те.
Знакомою улицей жизнь пробасила
И тенором дивным воскресла на ближней черте.
Нам всё интересно,
И по сердцу, как по дороге,
Идут поезда удивительных лет.
И юность прекрасна
И судит не строго,
И не отыскать самый главный секрет.
Седеют те люди, которых я знал молодыми.
Мольберты и кисти ссудила им жизнь неспроста.
Из тысячи красок всё пишется память России!
Такая щемящая, что не хватает холста.

«Успей доснять костры, горящий пруд...»

* * *

Успей доснять костры, горящий пруд,
Деревню, что влачит существованье,
И облако, и тишину окраин —
Благословенной памяти маршрут.
Успей доснять летящий облик дня
И пирамиды лет нагроможденье,
Ещё твоё святое воскресенье
И бег неудержимого коня.
Успей доснять и сбросить путы лет,
И бег, галоп, ненастье,
Лихолетье.
Перечеркнуть ревнивое столетье
И не понять рождения секрет —
Успей, поэт!

«Я тебя уже не вспомню, если встречу...»

В.А. Дмитриякову

* * *

Я тебя уже не вспомню, если встречу,
Но отчаянно срываюсь на стоянку.
На спидометре горит вчерашний вечер,
А за вечером беззвучно бродит танго.

Эта музыка, печальная такая,
Где-то рядом, за калужскими дворами;
Километры, словно годы, нарастают, —
Не угнаться, не угнаться им за нами.

То, что было, тихим ветром отзовётся, —
Эта лестница и парк, музейный шорох.
Песня наша без дороги не поётся,
И умолк без этой песни старый город.

Это истины в неслышном измереньи,
Только некуда порой от истин скрыться.

Я тебя уже не вспомню. Воскресенье...
Новый праздник и, увы, другие лица.

1997

«Уже вступаете Вы в осень...»

И. Захарову

* * *

Уже вступаете Вы в осень,
Ещё и лето не пройдя.
Сентябрь задумчивый приносит
Пригоршни тёплого дождя.
Сентябрь спешит, не понимая,
Что лета не прошёл порог,
И тишина, печаль скрывая,
Не выдаёт начало строк.
Уже вступаете Вы в осень
И перешли шаги на бег,
И где-то, после или возле,
Неторопливо падал снег.
Назойливо звучащий смех
Не ведал осени начала.

2010

«По звуку осень...»

* * *

По звуку осень,
По тропинке день
Уходит, забывая оглянуться.
А зимы и печали обернутся...

1998

«Вдруг столько зимы...»

* * *

Вдруг столько зимы
В суете повстречалось
Над пылью дорожной,
Над сплетней досужей.
По вечной дороге,
Сметая усталость,
Нам всем по зиме
В этом мире досталось.

1998

«Покаянный бег времен...»

* * *

Покаянный бег времен —
Что я прожил, что я нажил:
Лет неслыханная тяжесть,
Снег и снег со всех сторон.

1998

«А по снегу, по снегу...»

* * *

А по снегу, по снегу,
По вечному снегу
Бродят судьбы,
Как будто бы звери по следу.
Оглянуться ещё не успев,
Исчезают.
А снега окружают.
Уже окружают...

1998

«Срывалась погода на резкий...»

* * *

Срывалась погода на резкий
Фальцет.
Вагонная лампа светить перестала.
Дожди кочевали по тихим
Вокзалам,
Смывая усталость
Сомнений и лет.

2015

«Летом хоронили бабушку...»

«Живущий получает и собирает плод в жизнь вечную, так что сеющий и жнущий вместе радоваться будут».

Евангелие от Иоанна

Летом хоронили бабушку. Уходила, отодвигалась куда-то вдаль безоблачная пора детства... Черный шлейф похорон. Боль прощания, могила возле дороги. Берёза и тишина. Вспомнилось кладбище в Тарусе. Могила опальной Ариадны Эфрон, Константина Паустовского, известных и неизвестных русских людей подле вечной Оки в сердце российской глубинки. Я ещё вернусь в Тарусу, к холодному цветаевскому камню, к церкви без алтаря, к надгробью Борисову-Мусатову, к счастливым и туманным дням. А пока из детства: бабушкин говор; слияние еврейской и русской речи. Провинциальный быт, философия и боль утрат.

Бабушка

Оставшись одна в тридцать с небольшим, бабушка всю свою жизнь посвятила своей любимой дочери и нам, внукам. Внуки – это я и Саша. Саша – младший. Я помню нашу самую раннюю общую фотографию. Мамочка, совсем молодая, с моим маленьким братом на руках, и я на стуле. Хорошенький. Сзади, на втором плане, моя дорогая, незабвенная бабушка.

Крайне чувствительная, экзальтированная, с неподражаемым говором, чудесными фольклорными словечками, то и дело слетавшими с её уст, она была человеком ярким, неординарным. Из тех, кто придаёт жизни то особое измерение, которое сродни детскому восприятию мира.

Она не знала еврейских традиций, поэтому в доме всегда отмечали две Пасхи и никогда не говорили на языке предков. Она безумно вкусно готовила, и её отдельно взятую неповторимую кухню не затмит для меня никакая другая.

Мы жили в городе Клинцы Брянской области, на улице Красной, снимали комнату у родной бабушкиной сестры. Мой брат спал на диване, я – на приставных стульях. Мама с папой занимали единственную кровать, а бабушка устраивалась на раскладушке. Здесь же практически находилась и отцовская мастерская: он рисовал портреты вождей и государственных деятелей. Однажды, со сна, я нечаянно столкнул

со стола краски, и их брызги попали на изображение вождя народов Иосифа Сталина. Папа был в гневе. Бабушка, схватив меня на руки, испуганно, но решительно выкрикивала: «Лёва, не трогай ребенка!» А потом, когда скандал миновал, она оправдывалась перед моим грозным отцом.

Дом, где мы жили, и сегодня у меня перед глазами. Воскресный день. На небе ярко светит солнце, за плетнём маленьким земным солнцем горят подсолнухи. Огромный стол. Куриный бульон с дольками яйца. Вся семья в сборе. Но вот родители уходят, мы останемся одни с бабушкой, и на столе неожиданно появляется фотография. Предобрейшее лицо. Пышная шевелюра. Это наш дедушка Яков.

Бабушка рассказывает нам о его воинской службе, его офицерских назначениях, интендантских обязанностях и большой ответственности. Она колесила с ним по Союзу и всегда ему помогала, носила у себя на поясе все его ключи от многочисленных складов. Во время войны он пропал без вести в чине капитана-интенданта под Белостоком. Его фотография – моё небольшое, но драгоценное наследство, которое перешло ко мне от бабушки.

Она всегда доставала дедушкину фотографию, как икону.

* * *

Вечер своё наважденье припрятал,

Было светло и тепло до утра.
Мы не увидимся, дедушка Яков,
И не пришла нашей встречи пора.

Ксёндз к алтарю, подбоченятся хаты,
Громко в окно постучится война.
Мы не увидимся, дедушка Яков, —
Это не наша с тобою вина.

Из родословной останутся строчки.
Мама... Снаряды, летящие в ночь.
Судьбы, зарницы и гнев многоточий —
Не пожалеть и, увы, не помочь.

Вновь соберутся случайные люди,
Лихо гармошка раскроет меха;
Вспомнят кого-то, кого-то осудят,
Стопку нальёт молодая сноха

Бабушка, скорбь до конца не оплавав,
Так и останется в мире одна.
До возвращения, дедушка Яков, —
В тихой молитве забытого сна.

Мой второй дедушка – Илья, был председателем колхоза под городом Вольском. В 43-м попросил освободить его от брони и ушёл на фронт. В тот же год он погиб во время прорыва блокады Ленинграда. Я назван в его честь, а моему брату дали имя Саша (созвучное с Яша). На имя Яков мама не решилась – видимо, опасалась беды.

Провинциальный маленький город жил по своим законам. В субботу бабушка отправлялась на рынок, где покупала вкусные вещи, торгуясь и ругаясь, как и положено. Встречалась там со своей родной сестрой, которая выдавала рыночные местные талоны. То был примитивный бизнес моей двоюродной бабушки, а родная выкраивала из своих скромных наличных на мороженое в вафельных стаканчиках и конфеты для обожаемых внуков.

Она водила нас по стадионам, кинотеатрам, любила бывать с нами на всех встречах и вечеринках; всегда и везде мы чувствовали её тепло, её понимание и искренний интерес к нашим заботам и увлечениям. С детства я хорошо пел, выступал даже в Москве и Киеве в сопровождении симфонического оркестра. И именно бабушка горячо вступалась за меня, когда мои громкие распевки в доме кому-то мешали. Напор и мощь «Яростного стройотряда» ощущала на себе вся улица.

Родителей мы видели мало, они были вечно заняты работой, и мы с нетерпением ждали субботы и воскресенья, когда бабушка наконец поведёт нас в... Каждый раз она выбирала новый маршрут. Вот кинотеатр, который построили пленные немцы: величественный, с колоннами. В кассе длинная очередь за билетами. Бабушка, которая придерживалась активной жизненной позиции, к заветному окошку всегда пробивалась первой. Кто-то возмущённо шумел, кто-то потом кричал нам вслед, но через считанные минуты мы уже вступали на территорию праздника. Там, в фойе, играла живая музыка, продавали мороженое. Томительные мгновения ожидания перед входом в зрительный зал. Но вот гаснет свет и начинается волшебство экрана, со всем его многообразием чувств, которые мы переживаем вместе с бабушкой.

Когда у нас с женой родился старший сын, мы приехали к бабушке на студенческие каникулы. Она отогревала нас, как могла, и мудро распределяла наши занятия – оставляла меня с маленьким сыном дома, а мою жену отправляла на танцы с моим братом Сашей.

Она пыталась сблизить её с моим своенравным папой, который был радушен, пока не затевал очередной конфликт и не уходил к другой женщине. В оправдание своего отсутствия он придумывал самые невероятные приключения: то якобы попадал в аварию, то выручал кого-то. Но когда был в настроении, являлся вполне добропорядочным отцом семейства. Мы иногда сближались, а иногда попросту руга-

лись.

Бабушка всегда старалась всех примирить, всем помочь. В свои уже немолодые годы пыталась быть ловкой и расторопной. В те времена наш двор был строительной, сплошь перекопанной площадкой и часто, сняв с верёвки бельё и оступившись, она оказывалась вместе с ним в траншее. Потом вылезала, перемывала бельё и снова попадала в траншею. И как бы мы ей в тот момент ни сочувствовали, просто невозможно было удержаться от смеха, слыша её красочные по этому поводу выражения вроде: «Вот твары! Опять накопили!»

Долгое время бабушка получала посылки из Америки, где жили наши родственники. Поэтому мы одевались очень хорошо, в американские брючки, кофточки, курточки (вступив в ряды КПСС, мама заокеанскую моду отменила). Когда меня забрали на год в армию, и бабушка приезжала в семью моей жены присматривать за правнуком, она и тут стояла на страже моих интересов, пытаясь дознаться, не носит ли кто-нибудь мои драгоценные вещи.

Она прожила большую жизнь. Болезнь сковала её далеко за восемьдесят. А до этого она продолжала баловать нас немислимыми обедами. Я помню, когда ей было плохо, к нам приходил доктор Левант – ну чисто персонаж Шолом-Алейхема, еврейстый донельзя. Сначала он не спеша ел первое, второе, выпивал компот, затем долго мыл руки и только потом устанавливал диагноз: «Будешь жить». И тут

приступ быстро заканчивался, и продолжали поступать распоряжения и команды. То тут, то там слышен был громкий бабушкин говор. Она была настоящим боевым командиром в жизни.

Страж нашего долгого и счастливого детства, ангел-хранитель нашей семьи, она и сейчас всегда с нами – в нашей любви, нашей памяти, в нашей благодарности.

Мы до сих пор упоминаем её словечки, её выражения, её говор.

Упоминаем – значит, вспоминаем.

* * *

В расшатанных вагонах тряслось моё будущее детство. Война отвлекала людей от привычного хода вещей, убивала их, уничтожала. Через войну, через страдания пробиралась истина моей жизни. Я иногда смотрю на мир глазами моей бабушки, по счастливой случайности уехавшей в отпуск подалее от границы 15 июня 1941 года.

Едва переступив порог отцовского дома, она услышала о начале войны. Прадедущка Меир тут же принял решение уезжать. Немцы шли по пятам, и всё же удалось спастись. Потом долгая дорога в город Златоуст в эвакуацию. На одной из станций бабушка побежала менять вещи на еду. Поезд тронулся. В вагоне осталась моя маленькая мама. Они нашли друг друга только спустя трое суток. Тогда у совсем

ещё молодой бабушки Сони появилось много седых волос.

Иногда вместе с ней я переживаю воспоминания о красном командире в крылатой будёновке. Это был мой дед. А потом легенда-быль о бабушкином брате, который не пришел с Финской. И вслед за этим – печальная повесть о судьбе мужа родной бабушкиной сестры...

...42-й год. Урал. Эвакуация. Каждый вечер – это томление ожидания писем от родных. Фронт далеко – фронт рядом. Похоронки – долетающие птицы скорби.

1985–2018

«Я запускал давно бумажный змей...»

* * *

Я запускал давно бумажный змей,
Он вверх летел и быстро возвращался, —
Так я обычным детством наслаждался,
Лежал, открытый тишине полей.
Кузнечик возле уха стрекотал,
Червяк болтался на сухой делянке.
Я снова к солнцу змея поднимал,
И кровь сочилась из привычной ранки.

И вскачь гурьба летела лошадей,
И ветер обгонял мои желанья,
И ждали мы отчаянных дождей —
Они смывали детства расстоянье
Всего чуть-чуть. Вся жизнь до той поры
И падала, и тотчас же взлетала,
И всё опять как будто исчезало...
В мои послевоенные двory,

К сараям, где окурки прошлых дней

Раскуют маягу воображений,
Вот снова вверх летит бумажный змей —
Летит моя надежда и спасенье.

2015

«Мама, что-то я делал не так...»

* * *

Мама, что-то я делал не так
В нашей истории жизни минутной.
Что там сейчас у тебя в облаках,
В притче лоскутной?

Детство моё, где подсолнухи в ряд
С черною меткой;
Ветры по улице Красной летят
Памятью светлой.

Яблони – длинные платья до пят,
Сторож с берданкой.
Годы и станции мимо летят
Дней – полустанков.

Я не обнял тебя поздней порой, —
Не дотянулся.
Ангел, который сегодня со мной,
Мне улыбнулся.

2012

«Мне было подарено долгое детство...»

* * *

Мне было подарено
Долгое детство,
И мир по соседству,
И я по соседству.
Дворы, что хранили
Вчерашние тайны
Минутой случайной,
Заботой случайной.
Где мамины истины,
Мира добрее, —
Увидеть скорее,
Услышать скорее.
Была мне подарена
Целая вечность,
И века злорадность,
И века беспечность.
Где хаты с домами
Едва уживались —
Кому-то на счастье,

Кому-то на зависть.

2015

«Мой двор и несколько семей...»

* * *

Мой двор и несколько семей,
Мой брат, на стульях спящий,
Картина «Сталин». Шум дождей,
И молния таращится.

Горшок в предбаннике. Окно
Вот-вот с петель сорвётся.
И в главной зале домино
На мой удар придётся.

А за окном шумят сады,
И скоро будет лето.
Ещё один глоток воды
Остался до рассвета...

2018

«Который год сюда я приезжаю...»

* * *

Который год
Сюда я приезжаю.
Вот поворот:
Дома, дома, дома...
И долго, долго
Тянется прямая,
И вот уже
Закончится она.
Как будто рядом
Пробежала юность,
Под горлышко
Знакомый воротник...
Но это лето
Так и не вернулось,
А к осени, увы,
Я не привык.

2018

Свенский монастырь

* * *

Ещё издали сияет, лучится белым светом большая стена Свенского монастыря. Останки взорванных храмов – следы революции и войны. В уцелевших церквях громко скрипят половицы. Люди идут к иконам, к своей вере. В 90-х сюда приезжали мои гости – Маргарита Терехова, Лев Дуров, А.В. Панкратов-Черный, немецкая переводчица Леноре Калер. Здесь я гулял со своими детьми, спускаясь в пойму реки, где луга заливные, покой и тепло. Глянешь вверх, а там – мой родной Свенский монастырь.

Несколько лет назад я снова приехал в эти места. И ужаснулся. Варварски-воровская реставрация исказила красоту древних храмов. Но не смогла нарушить благостного покоя и веры. На берегу Десны, сквозь многие лета – непогребённый, выстоявший, величавый монастырь Свенский.

* * *

Совсем ненадолго уеду,

Над Свенской загадкой кружась.
И словно по следу, по следу,
Какая-то вечная связь.

2015

Свенский Монастырь

Я был крещён когда-то в Свенском,
И заезжал не каждый год
По той дороге деревенской
До белых стен, а там – приход.

К своим иконам торопился
Под скрип дрожащих половиц,
И день, как чудо, проявился
Глотком из стареньких криниц.

И только взорванные храмы,
Заброшенные алтари,
Как незалеченные раны
Безумием облучены.

И високосная тревога
Отчаянно – в колокола,
И впереди опять дорога,
Что снова в Свенский привела.

А по тропинке – перелески,
Теченье праведной реки,
И снова, снова, снова Свенский,
Где юность кормится с руки.

2014

Красный Рог

* * *

По Брянской дороге, что ведет в Белоруссию, неподалеку от Почепа есть местечко, где останавливаются все любящие и помнящие русскую историю и литературу люди. После указателя «Красный Рог» надо свернуть налево, где увидишь сельскую церквушку, рядом с которой – могила Алексея Константиновича Толстого и его жены. А поодаль – дом-музей поэта.

Он родился в Петербурге. Родители перевезли его в Малороссию: сначала в Погорельцы, а потом в Красный Рог. Учёба в Москве, путешествия, участие в Крымской войне, Петербург, служба при дворе и снова – Красный Рог. Уединение, любимое творчество, боготворимая жена.

*И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.*

... Бескрайние поля, лесные массивы. Закрывая глаза, чувствуешь 19 век, такую далёкую и такую близкую историю

Красный Рог

Алексей Константинович, к Вам приезжаю не часто.
Деревенская церковь, часовня, порог;
Под ветвистыми липами – прошлого праздник,
И петляет, петляет начало дорог.

И возникнут в окошке родные деревни,
И огромное поле мелькнёт при луне;
И Россия подпустит и тут же отвергнет,
Чтобы чем-то особым почудиться мне.

И такие счастливые грянут минуты,
И негромкая осень пройдёт стороной;
И тот маленький храм оживает как будто,
И отчаянный ветер – за нашей спиной.

Алексей Константинович, – лес на пригорке,
И гарцующий конь, и печаль седока;
И рябиновый привкус, от времени горький;
И дорога легка. Как дорога легка...

«Однажды Овстуг, так нечаянно...»

* * *

Ещё одно очень дорогое и памятное для меня место на Брянщине – это село Овстуг, где жил замечательный русский поэт Ф.И. Тютчев. В 90-е годы я проводил здесь поэтические фестивали, литературные встречи, Дни поэта. Сюда не раз я приезжал годы спустя.

* * *

Однажды Овстуг, так нечаянно —
Из тишины, из облаков,
И рвётся ниточка отчаянно
Твоих веков, моих веков.

* * *

Возле мельницы тютчевской
Снег закрипел,
И дрова раскололись, как будто орехи;
Вот за храмом бежит несмышлёный пострел, —
И в картине сняты небольшие орехи.
И опушки седые,
Со льдом берега,
И салазки свою колею выбирают,
И летят по России снега да снега
В этом тютчевском крае
До самого края.

2011

«Скользит расстоянье к эпохе конца...»

* * *

В деревне Ляличи (Суражский район Брянской области), бывшей усадьбе графа П.В. Завадовского, фаворита Екатерины Великой, я видел руины некогда прекрасного дворца — творения знаменитого Кваренги, который был разрушен во время революции.

* * *

Скользит расстоянье к эпохе конца,
Огромные сосны малы и никчемны.
Отыщется адрес забытой деревни —
И проповедь в церкви, и крики мальчика.

Расшитый монистом, сей август грядёт;
И в дыры церквей, что ушли под амбары,
Нечаянный луч на икону падёт,
И грянет частушка на площади старой.

Руины. Кваренги всё кажется жив,
И парк выцветает до жёлтых сомнений.
И кто-то, тяжёлые ставни закрыв,
Придумает ночь, словно боль во спасенье.

1998

«На пределе возможного...»

* * *

На пределе возможного,
На обрывках времен,
Откровение прошлого,
Неприкаянный сон.
Ничего не оправдано,
И шаги далеки,
Не молитвой оплакано,
Не теченьем реки.
Роковая сумятица,
Где лишь окрик немой,
Что ушло,
Что останется
Между веком
И мной.

1997

«Юрьевский переулок...»

* * *

Юрьевский переулок,
Старый панельный дом,
Брошенный грязный окурок,
Ящик почтовый – навзлом;
Голос подавленный скрипки,
Бой не уснувших часов;
Память – ступенькою зыбкой,
Старый чердак – на засов;
Непроходящая полночь,
Кухонный табурет —
Века негромкая повесть,
Века, которого нет...

2018

«Что ни крест...»

* * *

Что ни крест —
То крест.
Что ни боль —
То боль.
Из далёких мест
Мы пришли с тобой.
В облаке ночном
Стихла суета.
Сотканы судьбой, —
Нет на нас креста.

1997

«Певчая птица...»

* * *

Певчая птица
И странник.
Месса и чопорный смех.
Дикое чистописание
Левой рукою, наспех.
Гончие, словно слепые,
Гонят добычу вперёд.
За поворотом – Россия,
На полустанках – Россия
Загнанным зверем ревёт.

1997

«Всё забывается...»

* * *

Всё забывается,
Всё исчезает,
Из многоточий —
Одна запятая.
Из постоянства —
Одни невозвраты.
Вечные мысли,
Круглые даты,
Долгие споры,
Горькие слезы.
Мчитя нескорый,
Ливни и грозы.
Рельсовый скрежет,
Крик привокзальный,
Беглая нежность
Встречи случайной.

2015

Евгений Леонов

В городе Клинцы, где мы провели своё детство, всегда была потрясающая атмосфера праздника, когда приезжали артисты столичных театров или оркестр под управлением Эдди Рознера. Так однажды в одной программе в нашем небольшом городке встретились народный артист СССР Евгений Леонов и молодая, как теперь говорят, не раскрученная, Ирина Аллегрова. Это был творческий вечер Леонова, где она пела между номерами. До сих пор помню то розовое платье, которое было ей мало, равно как и программа, в которой ей было тесновато. Позднее, выступая в одной из моих программ в городе Брянске, она была уже узнаваемой и очень популярной.

А тогда, в конце 70-х, в Клинцах состоялся замечательный творческий вечер поистине народного артиста, после которого робко и неумело я взял первое в своей жизни интервью у настоящего мастера.

Когда я вошёл, постучав, к нему в гримёрку, он ел винегрет, и после первого же вопроса общался со мной так, как будто бы я спрашивал о чём-то самом главном, будто я должен был писать самую важную статью о его творчестве.

Всю последующую его биографию, его новые блистательные вершины в профессии я буду видеть через призму тех лет и дней, того незабываемого разговора. Вот самые памят-

НЫЕ ДЛЯ МЕНЯ СЛОВА, СКАЗАННЫЕ ТОГДА ВЕЛИКИМ АКТЁРОМ.

«Когда началась война, работал на заводе учеником токаря, учился в авиационном техникуме, и вроде внешне не предполагалось, что я когда-нибудь стану актёром. И всё-таки где-то там, в сердце, в душе, горел огонёк, росло неистребимое желание стать актёром, и я своего добился. Поступил в театральную студию и закончил её в 1947 году. Моими педагогами были прекрасные, талантливые люди: Андрей Александрович Гончаров, ныне народный артист СССР, главный режиссёр театра Маяковского, и народный артист СССР Михаил Михайлович Янин. Янин – сам прекрасный актёр, отдавая часть сердца своим ученикам, учил нас заглядывать вглубь той литературы, того характера, который ты пытаешься создать, а не просто пользоваться фактурой. Играешь доброго, – ищи, где он злой; играешь умного, – ищи, где он глупый. Перемешай все краски и, может быть, тогда ты и станешь хорошим актёром.

Попутно с театром у меня складывалась и какая-то судьба в кино. Всем казалось, что я актёр комедийный, но Янин зародил во мне желание быть разным в каждой роли. Не только смешить, но и найти в характере грусть, драматичность. В театре уже были сыграны Лариосик в булгаковских «Днях Турбиных», царь Креонт в «Антигоне» Ануя. И так это перешло в кино, когда В. Фетин предложил мне, комедийному актёру,

сыграть психологическую роль Якова Шебалка в фильме «Донская повесть» – глубокая, многогранная литература Михаила Шолохова. В кино это была для меня переломная роль, она перевела меня на другие рельсы и в драматическом театре.

Мне повезло с педагогами, с режиссёрами, повезло и с товарищами по искусству. В каждом фильме я обязательно встречался с каким-то крупным мастером. Встреча с Эрастом Петровичем Гаринным в фильме «Джентльмены удачи» – это встреча с целой эпохой советского кино. Какой самобытный актёр, какая личность, какая индивидуальность. Я всегда примечал: чем талантливее человек, тем он щедрее, он всегда стремится как можно больше отдать молодому, ещё не опытному, поделиться своим талантом с другими.

Анатолий Смирнов – режиссёр фильма «Белорусский вокзал», очень интересный человек, сумел вокруг себя организовать всех актёров. Разбирая сценарий, он сумел призвать нас соединиться с этими людьми, прекрасными, необыкновенными людьми, прошагавшими через всю войну, сохранившими память о ней в своём сердце.

В этом фильме каждый из нас старался влить в главную тему сценария тему своей роли. Мой герой – вроде бы невзрачный, вроде и не герой даже,

Ванька Приходько, слесаришко. Но это человек особой доброты и правды. В нём запас человеческой прочности огромен, а такой человек тебе всегда и поможет, и всё отдаст. Настоящий герой, настоящий русский человек. Это счастье, когда актёру попадается такая литература, талантливая и многогранная.

Актёру нет-нет, да и надо взглянуть в глаза тех, для кого он трудится, играет спектакли, снимается в кино. Каждая поездка актёра в другой город, к своим зрителям, – это всегда новое общение, новое впечатление. Клинчане любят искусство, видно, что они народ добрый, гостеприимный. Я уже успел побывать и в колхозе, и на заводе, успел подружиться, познакомиться со многими.

Самое главное – это радость встреч, это останется в моём сердце как память о Брянской земле, о её людях.

Мне хочется сказать спасибо за то, что вы такие сердечные, что вы так любите искусство, умеете своим приёмом всколыхнуть в актёре нечто такое, очень глубокое, что трудно выразить словами. После таких встреч хочется сыграть что-то совершенно особенное, чтобы приехать и увидеть, как люди смеются в зале от души и плачут от души. Я думаю, что такая возможность у меня представится: снова приехать к вам и снова сказать вам спасибо и поклониться вам за ваш труд, вам, прекрасным людям, вам, клинчанам».

Смоленский этюд

* * *

Смоленск – один из моих любимых городов. Потрясающий собор с остатками старинной крепостной стены в центре. В пригороде Талашкино, бывшем имении княгини Тенишевой, выдающегося деятеля культуры Серебряного века, – церковь Святого Духа, которая когда-то была украшена уникальными росписями и мозаикой Николая Рериха.

А в 80-е – 90-е годы на смоленском кладбище появилась целая аллея могил совсем молодых парней, погибших в так называемых бандитских разборках, – одна из печальных примет того времени.

Смоленский этюд

Выброшено кладбище на улицу,
Празднество пасхальное взахлёб.
Лишь трамвай испуганно суетулится,
Словно ношу тяжкую несёт.

По Руси, по звёздной отрешённости,

Как слепцы с надеждою прозреть,
Мертвые с живыми в обречённости
Продолжают, мучаясь, терпеть.

2001

«Послушницы мои...»

* * *

90-е годы. Коломна. Только-только стали восстанавливаться храмы. Духовная школа. Гул соседствующей железной дороги. Семинаристы живут по-спартански. Очень много знаковых встреч. В женском монастыре трепетный разговор с послушницами.

Послушницы мои,
Дороги беспокойные;
В дворах, как в закромах,
Полно иконных чуд.
Под куполами – снег
И тишина покойная,
Божественно светло
От боговых минут.

Послушницы мои,
Забвения минувшие;
Подстриженный погост
И непорочный сан.
И хлеба каравай,
И помыканье дружное,

И талая вода,
Что льётся через край.

Послушницы мои,
Печальные монахини;
От света до судьбы,
От боли до тревог —
Коломенской верстой
Прошедшее распахано,
Коломенским Кремлем
Отмеренный порог.

1989

«Николо-Сольбинская участь...»

Настоятельнице игуменни Еротииде

* * *

Из останков мужского монастыря, бывшего мусоросборника, за 18 лет матушка Еротиида создала чудо Николо-Сольбинского женского монастыря – с послушницами, школой, театром, колледжем и надеждой быть услышанными Богом.

Монастырь в 50 километрах от Переславля-Залесского.

Ехать недалеко, но трудно. Дорога совсем разбита. Но чем тяжелее – тем ближе к Богу.

* * *

Николо-Сольбинская участь
Николо-Сольбинская честь,
Где от источника – живучесть,
Где от небес – благая весть.

Где по дороге, в прах разбитой,

Где по тропинке до конца
Вдруг открывается обитель,
Как лик знакомого лица.

Где глина на кругу гончарном,
Где времени твердеет бег,
Где у послушницы печальной
В руках такой забавный век.

Где детский голос колокольцем
Мольбу внезапно оборвёт,
Где матушка к тебе придет,
Где к вечеру заходит солнце.

Забытый лес, забытый сад,
И храмовое воскрешенье.
Николо-Сольбинский обряд,
Николо-Сольбино спасенье.

Когда на веру присягнём,
Когда от веры отречёмся,
Мы постучимся в этот дом —
И мы всегда ему придёмся.

«Был рассвет. За окошком...»

* * *

Был рассвет. За окошком
Промчалась река.
Утро. Родина. Хата. Равнина.
И загадкой летели
В ночи облака.
Словно думы былого
С повинной.

1997

А. Галибин: Ростов. Дивеево

Несколько лет тому назад вместе с друзьями я посетил Иоанно-Богословский монастырь под Рязанью. Это место подарило мне удивительную встречу: там меня неожиданно остановил монах и предложил пройти вместе с ним к святым мощам. Он долго говорил со мной и оставил на память молитву Кресту Животворящему с изображением Креста в Дивеево. То была молитва-знак, молитва-благословение.

И вот наконец-то я еду в Дивеево. Путь лежит через Ростов Великий. Со мною рядом булгаковский Мастер – Саша Галибин. Народный артист России А. Галибин. Я, как человек театральный, постоянно слышал это имя. Десятки ролей в кино, режиссёрские работы в театре, телепроекты – яркие, запоминающиеся. Его персонаж Пашка-Америка из «Трактира на Пятницкой» стал культовым для целого поколения. Тогда, в конце 70-х, то был для нас обычный, «проходной» фильм А. Файнциммера, а сегодня ясно видишь, какая это по-настоящему добротная режиссёрская работа. Как рассказывал Саша, на трехминутный эпизод иногда уходило несколько дней. Жители Ростова Великого, где снимался этот фильм, до сих пор вспоминают те недавние, давние съёмки. Галибина сразу узнают, подходят к нему, благодарят.

С Сашей я познакомился у известного музыканта Ю. Ро-

зума. После этого мы встретились в гримёрке театра «Школа современной пьесы», где я попросил его прочитать на камеру мои стихи к 90-летию мамы моего друга, которая живет в Иерусалиме. Потом со студентами его ГИТИСовской мастерской я готовил вечер, посвящённый памяти Беллы Ахмадулиной, где он великолепно читал стихи поэтессы.

...Но вот Ростов остаётся позади. Там остаётся его сказочный древний Кремль, где сегодня можно снимать кино о России, о её жизни, о её правде, о её силе. Остались за спиной и люди, продающие у обочины грибы и ягоды, которые всё ещё помнят Пашку-Америку. И вот наконец поворот на Дивеево.

Чудный дивеевский храм, явление Креста Христова, записки для молитв за близких, и всюду нас сопровождает матушка Силуана – удивительной красоты женщина. Потом мы недолго трапезничали в маленьком домике, вокруг бегали детишки, была шумная гроза, весёлый дождь, и вдруг всё стихло. Мы шли счастливые, будто кто-то окликнул нас в толпе, и мы были вместе с матушкой, к которой всё время обращались за советом, за помощью и дети и взрослые.

...И снова километры бегут обратно. Но окружающий пейзаж для меня исчезает; перед глазами всё стоит Дивеевский Крест, а у порога обители матушка Силуана.

Август 2017

«Мы крещены одним рассветом...»

А. Галибину

* * *

Мы крещены одним рассветом,
Но разной осенью при этом,
Проселочною пылью лет.
И ямб забытого поэта
Настигнет дуновеньем ветра
В жару, где сил как будто нет.

Поддёрнутся литые ставни,
И новый день в миру представлен —
Его рассвет благословил.
Таким он в вечности оставлен,
Чуть-чуть художником исправлен,
Но это чудо – он ведь был.

2017

«Каруселит площадь...»

* * *

Каруселит площадь,
Завывает ветер,
Ничего нет проще —
Жить на белом свете.

Ничего сложнее —
Думать, что всё просто.
Ветер всё сильнее
Задувает вёсны.

Высыхают крыши,
От снегов сутулясь,
День проходит, слышу,
В вечности швартуясь.

А потом по небу
Дни придут дождями
И одарят хлебом,
И ещё – стихами.

Каруселит площадь,

Завывает ветер,
Ничего нет проще —
Жить на белом свете.

2015

«На Благовещенье – сегодня Благовещенск...»

Свете

* * *

На Благовещенье – сегодня Благовещенск.
Ветра метут и нет пока тепла.
И был наш мир
Надолго нам завещан,
Но календарь шепнул своё «пора».
То скроется, то воцарит ненастье,
До солнца час,
До праздника чуть-чуть,
И столько возникающих напраслин,
И где она, не найденная суть.
И грянет утро в стылом поднебесье,
Раскидывая вечные крыла;
Я прошепчу тебе: «Христос Воскресе». —
«Воистину» – чтоб ты произнесла.

1976, 2018

«Забреду за тишиной...»

* * *

Забреду за тишиной,
Или попросту – уеду.
Дом над тихою рекой,
Ни тропинки, ни соседа.

Покрывало паутин,
Воздух, как струна, натянут.
Я один, и мир один,
И вот-вот дожди нагрянут.

Окна ставням вопреки,
Аромат печного дыма,
И дыхание строки,
Что течёт неумолимо.

Старый город, дивный сад —
Всё из памяти тревожной.
Ливень столько дней подряд
Высыхает осторожно.

И дорога за спиной

Убывает, убывает...
Забреду за тишиной.
Ночь прошла. Уже светает.

2015

«30 июня 1985 года. Смотрю "Чужие письма"...»

* * *

30 июня 1985 года. Смотрю «Чужие письма» И. Авербаха. Пересматриваю, точно перечитываю. Для меня Ирина Купченко – прежде всего Лиза Калитина в фильме Андрона Михалкова-Кончаловского «Дворянское гнездо». Обаятельная, тургеневская, русская. Это одна из лучших её работ. И снова «Чужие письма». Дождь. Настроение. Любовь. Падающие книги, словно крушение Пизанской башни. Надрыв. Качнулись часы времени. И вот где-то рядом дворянское поместье: балкон, дождь, слёзы Лизы Калитиной. Вчера и сегодня. Вчера и сегодня. Бьют часы, быстро летит время. Чужие письма доктора Авербаха. Его «Мысли и сердце». Его «Монолог». Его врачевание временем.

«К Чудскому острову прильну...»

* * *

К Чудскому острову прильну.
Провинциальная привычка – всё помнить.
Катер мчит обычный.
Меняю долгую весну
на возвращенье и на встречу,
где я однажды был замечен
у времени в плену.

1995

«В том колодце...»

Е.Д.

* * *

В том колодце, Где мало воды,
Отражение выпью до дна.
Мир замерзнёт до самой весны,
До однажды забытого сна.
И проснуться как будто хочу,
Обжигаясь водой ледяной,
И в тот самый колодец лечу,
И твоё отраженье – со мной.

«И правда, не остановить...»

* * *

И правда, не остановить
Ни дней, ни чисел.
Я так хотел тебя любить,
Но в утро вышел.
Сегодня так легко понять,
Вчера – так трудно.
Мне хочется тебе кричать
В то утро.
Но пристегну ремни,
Ведь жизнь по кругу мчится.
Ты в наше утро загляни —
Со мной проститься.

1985

«Издалека, далёко-далека...»

Издалека, далёко-далека,
Ко мне ты шла
Всего на три мгновенья,
Когда закат выхватывал поленья,
Когда рассвет не прекращал паренья
И на ночлег сходились облака.
Издалека, далёко-далека...

2016

«Вечерний храм...»

* * *

Вечерний храм, Вечерняя любовь...
И время это снова повторится,
Но встретятся, увы,
Другие лица
Других событий и других веков.
И не окликнут, и не позовут, —
Движенья губ останутся немыми.
Какие тайны встречи нам несут,
Любимым оставляя только имя.
И вензелем по краю облаков —
Вечерний храм,
Вечерняя любовь...

2015

«И ты была не ты...»

* * *

И ты была не ты,
И я – совсем не я;
И тихие цветы,
И пришлые друзья.
Тропических дождей
Едва не занесло;
И посреди путей —
Вагончик. Рассвело
Лениво. Впопыхах,
По следу, по судьбе
Гоняет музу страх
По прошлой по тебе.
И страх не оттого,
Что всё исчезло вмиг,
И душу так свело,
Что не услышу крик.
И страх не оттого,
Что птицам не взлететь;
Уйду за час всего, —
Чтобы сказать не сметь.

2016

«Хрупкие коридоры...»

* * *

Хрупкие коридоры
Наших встреч,
Долгие лабиринты
Наших дней,
Как непросто возле твоих
Плеч,
Как божественно возле твоих
Дождей.
Хрупкое продолжение
Твоего дня.
Тихое повторение моих
Шагов.
Вот и не останется
В этой жизни меня,
Только появится молитва
Слов.
Молитвослов.

«Белый музей посреди кисловодского лета...»

Т.Б.

* * *

Белый музей посреди кисловодского лета.
Вот ещё шаг до вершины,
Не боле.
Белый музей, словно птица
На воле.
Мне бы проснуться, да сил
Уже нету.

Гулкий засов, и мы подле
Удачи.
Подле сюжета, тогда ещё тайны.
Мы, одержимые встречей
Случайной.
Нам бы проснуться, да вышло
Иначе.

Вот мы летим от видений

По склонам.
Белым экраном застыла
Эпоха.
Месяц – какая невнятная кроха;
Ты уезжаешь в соседнем вагоне...
Белый музей посреди
Кисловодского
Лета.

1980

«Я хотел, чтобы дом, в котором живёшь...»

* * *

Я хотел, чтобы дом, в котором живёшь,
Был хотя бы немного моим.
Я придумал осенний негромкий дождь
И едва просыпался с ним.
Я хотел, чтобы ты спешила ко мне,
Провожая мой день и час.
Колокольчики, брошенные на окне,
Находили музыку в нас.
Находили неслышно, слегка теребя,
Оглушая до боли дней.
Я искал в этой музыке только тебя.
И, увы, затерялся в ней.

2013

«Твой гостиничный номер закрыт...»

* * *

Твой гостиничный номер закрыт.
Две зимы пробежало, три лета.
Прохожу – чья-то лампа горит,
И ещё далеко до рассвета.

Рифмы беглые ищут тайник,
Где оставлено главное что-то:
Фолианты прочитанных книг
И Сикстинской причудливый шёпот;

Наважденье кронштадтского дня,
Пруд Россетти, и тихая полночь,
И старинный фонарь без огня,
И бокала тосканского горечь.

Ничего не дано повторить,
Даже встречи понятную зависть.
Только штору едва приоткрыть
Да стихами себя позабавить.

2016

«Неслышно и легко...»

П.А.

* * *

Неслышно и легко
Повалит минский снег
Густою пеленой,
Прилипчивой капелью,
Неслышно и легко
Уже знакомый смех
Исчезнет во дворах
Под белую метелью.

А было ли вчера
В зашторенной мольбе,
Где суток странный миг,
Нелепо исчезая,
Всё возвращал к тебе
И исчезал в тебе,
Не дожидаясь слов,
Значенье повторяя.

Да, всё придумал я:

И улиц разворот,
И минский старый дом,
Твои шаги в подъезде;
Почти, как у Моне,
Кромешный снег идёт...
И беличьи следы
В заутренней надежде.

2018

«Сухая прошлогодняя листва...»

* * *

Сухая прошлогодняя листва, —
В том сентябре ты на неё ступала
И что-то ненароком повторяла
Про старый храм, молитву, острова.

Тебя я останавливал, а ты
По осени, как будто по течению,
Пыталась добежать до темноты,
Где грезилось забытое спасенье.

Здесь никому не сбудется догнать,
И по листве, от мира уходящей,
Я продолжал неистово шагать,
Пытаясь всё застать тебя вчерашней.

И будто в назиданье грянет гром,
И молния тот Дантов круг очертит,
Где мы на миг случились в круговерти,
Настаивая каждый на своём.

А что засим? – Багрянец, свежий след,

И утро всё прохладней, всё иначе.
И осени давно угасший свет
Листою прошлогодней обозначен.

2019

«Не выйдешь из этого парка...»

Б. Непомятому

* * *

Не выйдешь из этого парка,
Не выйдешь.
Себя не услышишь, других
Не увидишь.
Но вот одиночество рвётся
Наружу,
В высокие сосны, январскую
Стужу.
К Чудским островам и глазам
Терпеливым,
Где утро и город, как сон,
Молчаливы.
Лишь дождь постоянно грозою
Тревожит.
И день, словно жизнь,
Так мучительно
Прожит.

«Открытки в тихой лавке букиниста...»

* * *

Открытки в тихой лавке букиниста.
Начало века: чьи-то тайны, мысли...
Затерянная истина проста
Так искренне, печально и наивно.
А за окном рассеянные ливни,
И жизнь, как будто с белого листа.

1990

«Скребется мышь по полкам...»

* * *

Скребется мышь по полкам
Января,
Съедая нерастраченное лето.
Лишь крошки встреч – последняя
Примета —
Сметаются. Усталая заря
В бревенчатые истины уткнулась.

2010

«Метели вдруг осиротели...»

* * *

Метели вдруг осиротели,
Земля пошла на новый круг.
Валторны голосом свирели
Весну произносили вслух.

1980

«Заведомо знаю, что будет...»

Евгению Евтушенко

* * *

Заведомо знаю, что будет:
Придут незнакомые люди,
Родные на стол соберут...
Утрата наотмашь ударит,
И боль ничего не исправит,
Пропущенных лет не подарит
Отмеренный Богом маршрут.
В заведомо праведной притче
Свое откровение вычтем,
Уже не пытаюсь сложить.
И нету мирских привилегий,
И падают «белые снега»,
И хочется, хочется жить...

1990

«У зеркала, как тень...»

* * *

У зеркала, как тень, мой непокорый лик,
И маятник за мной кивает мне украдкой.
Качаются дома, меняются дожди,
А мне из облаков на землю пересадка.

Я слеп, я глух, я нем, я страшно сиротлив.
Душа моя юна, а возле лет – осколки.
Я к зеркалу ползу – ещё немного сил,
Ещё немного лет и дней иного толка.

И, кажется, король, а сзади – шлейф шута.
И, кажется, кричу, но голоса не слышно.
И кажется, что жизнь давно уж прожита,
И на стене ружье, но не раздался выстрел.

«2001 год. Я живу в доме Академии наук...»

* * *

2001 год. Я живу в доме Академии наук, на стыке двух улиц – Вавилова и Ульянова, на стыке двух философий – провинциальной и столичной. В начале века, в начале новых судеб. Из наших окон видны окна бывшей квартиры Альфреда Гарриевича Шнитке. В этом микрорайоне живут учёные, переводчики. Особые лица, особая аура. Везде подчеркнуто тихо, и гармонию дней нарушают только квартиранты, которые завоёвывают Москву, быстро привыкая и приноравливаясь к новым правилам.

...Морозные ночи. Ветреное, снежное, позднее начало зимы. Долгие прогулки по огарёвским горам, выход на Москву-реку, подъём к маленькой церквушке мимо сталинских дач, возврат к университету. Там, прогуливаясь с друзьями по тихой аллее, ведущей к старому Черёмушкинскому рынку, можно было поболтать о театре, обсудить сценические версии Федерико Гарсия Лорки, помянуть стремительно уходящую в прошлое эру толстых журналов, знаменитую читающую Москву.

Спустя три года я перееду на Безбожный, он же Протопоповский, переулочек и буду уже слушать другую Москву – Москву мещанскую, особняковую. И, переваливая через Садовое кольцо, оставляя за спиной Странноприимный дом – институт Склифосовского, я теперь буду прогуливаться в сторону Чистых прудов.

На этом маршруте старинные особняки словно присели в поклоне перед теснящими их небоскребами... Вот где-то за углом промелькнула бричка; совсем рядом прошелестели волнующие кринолины и почудилось будто кто-то тебя окликнул. Фантазии на тему...

Там, на Протопоповском, я как-то встретил Генриха Боровика и, совершенно не зная друг друга, мы неожиданно разговорились. Я поведал ему о премьерке Академического Малого драматического театра (Театра Европы) «Жизнь и судьба» по мотивам романа Василия Гроссмана. Его чудом уцелевший экземпляр, сохранённый любимым мною Семёном Липкиным, пришёл к читателям и заново родился в додинском сценическом прочтении. На сцене был театр, ради которого мы выстаивали когда-то длинные очереди за билетами.

На сцене были актёры, проживающие каждый жест, каждый взгляд, каждую паузу.

Триумф драматургии и режиссуры, триумф человеческого опыта. Запоминающиеся уроки. Актёры и мастер в финале непостижимой человеческой драмы.

Ах, как важно понять, что театр по-прежнему жив. Жив, как штучное явление. Генрих Боровик рассказывал мне о театре 50-х–60-х, о ефремовском «Современнике», товстоноговских премьерах, о школе Зиновия Корогодского, а я делился своими впечатлениями о громких премьерах 80-х, вспоминал приезд Товстоногова в Москву, спектакль Петера Штайна, Роберта Стуруа.

Москва сопровождала и вела по жизни, дарила неожиданные и важные встречи, разыгрывая свой увлекательный спектакль сплетения эпох. Она стала близким мне городом. Здесь живут мои дети, внуки, мои друзья. Мы вместе ходим в театр. В это непростое время он дарит радость творческой мысли, актёрской самоотдачи. Туминас, Серебренников, Додин, Бутусов, Погребничко, Женовач, Могучий, Бородин – разный театр, который жив.

2017

«2008 год. Москва. 36-й километр...»

* * *

2008 год. Москва. 36-й километр по Рублёвскому шоссе. Деревянная дача, которую я снимаю. В окне – часовня Мстислава Ростроповича. Жизнь и судьба...

Начало 70-х. Великий музыкант играет в концертном зале Брянского музыкального училища. Случайно увидел скромную афишу, написанную от руки. Тогда была запрещена не только реклама, но даже просто упоминание имени опального музыканта. Так мастера отлучали от мира за совесть, за правду.

Для небольшой группы людей в провинциальном музыкальном училище он играл, как в последний раз, «Танец огня» де Фальи. Звучание гения, мгновения завораживающей музыки. И острая боль за мастера, за страну, которая не дождет такими уникальными людьми.

На долгую память осталась эта встреча с молодым, необыкновенным, неистовым в своей самоотдаче Ростроповичем.

«Мы живем в плену у своих воспоминаний...»

* * *

«Мы живем в плену у своих воспоминаний...» Я записал эту фразу, брошенную одним из героев какого-то французского фильма, и она словно застыла на белом листе в ожидании замечательной телепередачи Виталия Вульфа о Лидии Сухаревской.

Время Сухаревской – это эпоха Гончарова, Товстоногова, Эфроса. И назад – в акимовские, охлопковские времена – с лестницы на лестницу, с лестницы на лестницу...

Остановиться и оглянуться...

* * *

В постановке Сергея Голомазова смотрю «Салемские ведьмы» Артура Миллера в Театре на Малой Бронной. В антракте подхожу к памяtnому стенду к 90-летию со дня рождения Анатолия Васильевича Эфроса, вглядываюсь в снимки эпизодов из лучших его спектаклей, в которых блистали Михаил Казаков, Андрей Миронов, Лев Дуров, Ольга Яко-

влева и многие другие знаменитые актёры.

Сегодняшний Театр на Малой Бронной – это живой организм. Новый состав, неплохие премьеры, но память неизменно возвращается к «золотому веку» А. Эфроса, в то неповторимое время. Его ученик – Геннадий Сайфулин, который замечательно играет в спектакле «Салемские ведьмы», ставит сегодня на Малой сцене спектакль-посвящение своему учителю.

2017

Л. Дуров

Февраль 95-го. Спешу на встречу к Льву Дурову. Это был год выхода из тупика, когда снова стала нужна профессия. Несколько минут ожидания на служебном – и я в кабинете Анатолия Васильевича Эфроса. Магия портрета и долгий разговор о судьбах театра с Дуровым. Лев Константинович – один из преданных учеников Мастера, охранял его покой в этом храме на Малой Бронной. Зал Эфроса, коридоры, кабинет, дух великого романтика. Театр переживал столь обычное межсезонье без главного режиссёра: экспериментировал, сопротивлялся. Со всеми своими проблемами и трудностями из-за кулис приходил на сцену и там сражался за право жить в это смутное время, когда блеск и нищета поднимались по одной лестнице и играли один спектакль.

Занавес. Передо мной предстал театр с какой-то обескураживающей немощью. Играли Стругацких – «Жида города Питера», и даже Дуров ничем не мог помочь плохому театру в этот вечер. Я знал, что пришёл новый режиссёр Женовач, знал, что не все его принимают. Вспоминал Дурова времён Эфроса.

Печаль моя светла,

Печаль моя полна тобою...

Уходя из театра, я поднял у самого порога листок:

«Один из лучших режиссёров Москвы – Сергей Женовач,

представляет в этом сезоне необычный и многообещающий театральный проект. Вы увидите сразу три премьеры по роману Ф.М. Достоевского: «Идиот», спектакли «Бесстыжая», «Рыцарь бедный» и «Русский свет»... Нам бы хотелось донести до зрителя весь текст романа, его философскую глубину, логику авторской мысли, силу чувств, остроту действия.

Вас ждет встреча с Ириной Розановой, Львом Дуровым, Сергеем Гармаевым...

Наш адрес – Малая Бронная, 4».

...Театр на Малой Бронной завершал остров Тверского бульвара, с его новым «архитектурным шедевром» – новым МХАТом. С театром Пушкина (Таирова), с бесконечными воспоминаниями-переживаниями премьер и встреч... Гримёрка, зима, интересные, содержательные разговоры, отказ от банкета в честь сотого спектакля...

Я свернул на Калашный. Там, вдалеке, осталась патриархальная академия на Собиновке, где в те времена тоже витал дух Анатолия Васильевича Эфроса, Марии Осиповны Кнебель, где в коридорах можно было встретить знаменитого мэтра и вечных студентов, отдающих уже с десятков лет этим мэтрам честь. Вышел к «Художественному», а там – на Арбатскую, к Киевской и – домой, домой, домой...

* * *

В том феврале 95-го Дуров играл бенефис в Брянске.

Встречая Льва Константиновича холодным мокрым утром на вокзале, я почувствовал с первой же минуты его тревогу и усталость. Такая же тревога ощущалась и на репетиции. Ленивая степенность актёров провинциального театра не попала на первую долю дорогого мне мастера. На лицах людей, некогда верно служивших Мельпомене, печать безденежья, апатии, равнодушия.

И всё-таки, с честью выдержав эти и иные испытания, Дуров предстал на пресс-конференции актёром, чье амплуа невозможно определить. Не сыграно ещё такой роли, не рассказано самой остроумной истории, самого неожиданного анекдота, самого важного случая в жизни.

А потом был бенефис. Словно из сокровищницы или, скорее всего, из старой табакерки, доставал он очень дорогое, доброе, мудрое. Будь то капитан Снегирёв из пьесы по Достоевскому, или затейливая водевильная ситуация, или сцена из чеховских «Трёх сестер», доносившая живое дыхание Эфроса, дыхание старого Театра на Малой Бронной...

И свеча в финале, и фотография на память...

Прошли годы, я иногда дозванивался до великого актёра, снова приглашал его и Ирину Алфёрову в свой город, и снова была премьера, был праздник. Потом его телефон замолчал, а спустя какое-то время, когда его величество случай остановил машину в нужном месте, он поведал мне историю своей болезни, и наступила долгая пауза в общении.

Но вот мне попала в руки его книга воспоминаний, ко-

торуя я прочёл с таким удовольствием. С тёплой улыбкой вспомнил все наши встречи и подумал: надо обязательно забежать...

* * *

Август 2015 года. Льва Дурова не стало. Исчезло яркое явление.

Исчезла уникальная личность.

Его необыкновенное человеческое тепло, обаяние, искромётность таланта делали людей людьми, театр – богаче, а жизнь – настоящей.

Уже не вспоминаются какие-то подробности тех ярких спектаклей. Осталась просто память о выдающемся актёре и человеке.

* * *

После наших встреч я часто записывал некоторые из его высказываний. Сегодня это уже история, свидетельства очевидца сложного, переломного времени.

«У нас сейчас не свобода, а вольница».

«Раньше все сводилось к разговору о женищинах, а сейчас – о Чечне. Когда я вижу по телевизору эти события, то сразу, как актёр, представляю себя на

месте тех людей. Мне становится страшно».

«Перед отъездом в Брянск знакомые журналисты рассказали, что нашего Президента на днях буквально выносили из самолета, так как он уже не мог идти. Было дело в Алма-Ате. Правда ли это? Во всяком случае, мне говорили люди, которым я верю».

«Кто может стать следующим Президентом? Мне думается, это генерал Лебедь. Если дать ему два-три раза выступить по телевидению, то он явно наберет очки».

«Свобода у нас оказалась не простой. Это не свобода, а какая-то вольница. Я прихожу в ужас, когда, проходя в метро через газетные «развалы», вижу, извините, одни женские бюсты. Нет, я не за цензуру, но должна же быть какая-то моральная защита. Не уверен, скажем, что у нас в ближайшие десять лет переиздадут Пушкина. Время такое! И зритель в нашем театре не изменился, а просто исчез».

«В недавнем фильме Игоря Гостева «Серые волки» (о снятии Хрущёва) сыграл Микояна. Снимали на его бывшей даче, даже охрана была настоящей. Когда я шел, простите, в туалет, охранник так и докладывал: «Объект № 1 проследовал в туалет». А если серьезно, фильм, кажется, получился. Когда я его смотрел, то искренне жалел Хрущёва, ведь картина не собственно о Хрущёве, а о человеке, попадающем в столь печальные

обстоятельства. Четыре мужика в бане за рюмкой просто решили его судьбу. Сейчас, вероятно, тоже многое в политике решается именно в бане».

1995–2017

«Всё равно стихи...»

* * *

Всё равно стихи.
Всё равно метель.
Всё равно печаль.
Лодка у дороги.
Всё равно Весна
Дверь сорвёт с петель,
Белым цветом в рост
Вишня на пороге.

Всё равно закат.
Всё равно костёр.
Телефонный звон,
Словно гомон птичий.
Всё равно портрет
Напишу на спор
И воды налью
Ветреной криничкой.

Всё равно стихи
Вечером и днём,
Всё равно печаль

С звонкою подковой.
Всё равно идём,
Всё равно живём
И латаем мир
Запоздалым словом.

2019

«6 января 1984 года.» (О Театре Г. Мацкявичюса)

«Взгляд, поза, едва уловимое движение тела «обнажают» человека неизмеримо большие, чем это могут сделать слова... Именно безмолвие сопутствует всем крайним, кульминационным моментам человеческой жизни».

Г. Мацкявичюс

6 января 1984 года. Театр имени Ермоловой. Московский ансамбль пластической драмы показывает сценическую композицию «Жёлтый звук» в постановке Гедрюса Мацкявичюса. Либретто Василия Кандинского. Музыка А. Шнитке.

После мировой премьеры «Жёлтого звука», состоявшейся в 1976 году в Париже, это была вторая попытка осуществить замысел знаменитого художника-авангардиста. Его сценическая композиция воплощала идею творчества, «продиктованного внутренней необходимостью», через такие внешние средства выражения внутренних ценностей как музыкальный звук, телесно-духовное звучание людей и предметов, цветовой тон. В качестве персонажей выступали пять ярко-жёлтых великанов, ребёнок, колокольный звон, жёлтый цветок.

К сожалению, в данном спектакле режиссёру не удалось

соединить философскую мысль Кандинского и музыкальную историю Шнитке. Впервые на спектакле изобретательного Гедрюса мне было скучно от недофантазии. И всё же знакомство с удивительными, почти запредельными возможностями «аистов» продолжилось. («Аистами» называли артистов Московского театра пластической драмы Гедрюса Мацкявичюса за их изумительную пластичность и фантазию.)

Для меня знакомство с ними началось через моего друга – сокурсника по ГИТИСу Андрея Родикова. Я смотрел все спектакли с его участием. Я был влюблён в этот театр, в этих людей, самозабвенно выжимающих из своего тела потрясающую чувственность и полёт. Virtuозно владея средствами пластического выражения, они были способны донести до зрителя сложные смыслы сонетов Шекспира, философии Айтматова, произведений живописи от Микеланджело до Петрова-Водкина и многое другое.

Вспоминаю, как после вечера в ЦДРИ, где театр исполнял отрывки из своих спектаклей (в том числе ошеломительный танец-прыжок из «Хоакина Мурьеты»), обаятельный Гедрюс, покидая зал, как бы прощался со своим театром. И так было всегда: идея умирает в исполнителях вместе с утратой их молодости и ничем не замутнённой свежести их мироощущения. После 16-и лет успешной практики ансамбля пластической драмы режиссёр взялся за создание нового театра, а его «аисты» разлетелись кто куда. Мой Андриуша теперь посылает мне весточки из Швеции. Он уехал туда,

женившись на очаровательной шведке-журналистке, а замечательный театр Гедрюса Мацкявичюса продолжает жить в нашей памяти о знаковых прорывах в театральном искусстве 80-х.

* * *

Мы встретились спустя двадцать пять лет. Шведская весна была так же волнующа, как наша встреча. По долгой истории нашей жизни нас связывало тепло дружеского общения, родственное любопытство по части театральных премьер. Мы всегда что-то советовали друг другу. Например, я советовал ему перечитать Пастернака, Джойса, Толстого. Он мне – сходить на премьеру театра из Цинцинати по пьесе У. Гибсона «Тряпичная кукла», от которой проснулась вся театральная Москва. Я тогда сидел на полу в битком набитом Театре Сац рядом с Георгием Тараторкиным, и нам казалось, что *театр-жизнь* – это именно то, что мы видим на сцене.

Когда-то Андриюша пробовал быть клоуном, но так и не стал им. Клоун – это не повторенье гэгов, заученных трюков, это – жесты, рождающиеся изнутри. Теперь он вёл нас по тропинке, где гуляет шведский король, делился впечатлениями о выставке Мунка и был на пике своей чуть постаревшей жизни. А ещё он потрясающе танцевал танго, как бы в продолжение своей истории танца и пластики в театре Гедрюса Мацкявичюса.

И рядом с ним всегда была его семья: рыжеволосая Анна,
его милые девочки.

2017

Стокгольм. Утро

А. Родикову

Прогулка по тропинке короля,
Пологий берег, шум балтийских сосен;
И дышит непрогретая земля,
И что-то в разговоре произносит.

То вверх, то вниз, и берег далеко,
И лысины камней – времён приметы,
И потянулся май к началу лета.
И стало вдруг особенно легко...

Благословенна временем земля! —
Прогулка по тропинке короля.

2008

«Январь 1986 года. Готовлю реферат...»

* * *

Январь 1986 года. Готовлю реферат в ГИТИСе о Верико Анджапаридзе. Смотрю «Покаяние» Тенгиза Абуладзе. Удивляюсь его пронзительности и правдивости. Поражаюсь Верико – мудрости её и силе. Судьба Грузии – удивительной, ранимой, гордой, – судьба Верико Анджапаридзе. Читаю о ней, вглядываюсь в судьбы грузинской культуры, где всё так переплетается и вспоминается.

* * *

В прежние времена, когда трудно было найти тот или иной сборник поэзии, всегда можно было обратиться к тбилисскому издательству «Мерани». Там печатали Мандельштама, Пастернака, Беллу Ахмадулину. Из нутра грузинской культуры складывалась родословная Георгия Товстоногова, и от её познания – блистательная «Ханума», а дальше, после смерти театрального гения, пришёл в его знаменитый театр Темура Чхеидзе. Тбилисская Мтацминда упокоила душу А.

Грибоедова рядом с И. Чавчавадзе и его дочерью. Верико Анджапаридзе, Софико Чиаурели, Георгий Шенгелая, Константин Лоркипанидзе, Резо Чхеидзе и чуть назад – Сандро Ахметели, Константин Марджанашвили и чуть вперед – блистательный Мегвинтуцухеси, исполнитель роли Дато Туташиа в фильме по роману Чабуа Амирэджиби «Берега». В последние годы во МХАТе он играл в спектакле «Медея».

Посмотрите, как дружно встаёт зал, чувствуя Резо Давидовича Чхеидзе, как восторженно принимает московский зритель премьеры Роберта Стуруа – гения «Кавказского мелового круга» и «Ричарда III». Сегодня он главный режиссёр калягинского театра Et Cetera.

Мы всё так же открываем тома Шота Руставели, Галактиона Табидзе, вглядываемся в наивную пастораль Пиросмани, цитируем персонажей грузинских короткометражек. Это наше дорогое общее летоисчисление, наша общая радость, боль и гордость.

2018

«Неожиданно Грузия...»

* * *

Неожиданно Грузия,
Неожиданно боль,
Неожиданно грустно
Вспоминаем с тобой.

Неожиданно Чабуа,
Кахи, Тенгиз
По глоткам приспособились
Выпивать нашу жизнь.

Лица, годы, фамилии...
Память душу прожгла!
И Мтацминда, как лилия,
В облаках пролегла.

Там поэты причудливы,
Там стихает молва,
И века – неподсудные,
И пророки – слова.

Где луч солнца над крышами,

Где светло и легко,
Что-то главное слышится
От тебя, Верико.

И судьба, и признание,
Реки – складки морщин;
К берегам покаяния
Возвращаемся мы.

Пересуды, иллюзии,
Ночь лежит за окном...
Неожиданно Грузия —
За нашим столом.

2012

«Всю жизнь я ехал, Грузия, к тебе...»

* * *

Всю жизнь я ехал, Грузия, к тебе,
Совсем забыв, что жизнь
Проходит быстро;
И зов был и печален, и неистов,
И он не мог противиться судьбе.
Мне всё казалось: о тебе я знал
И Мцхеты призрак,
И дорогу к храму;
Я по крупицам встречу собирал,
Откладывая встречу постоянно.

Дарил Галактион свои стихи,
Ираклий до последнего сражался,
Мой путь к тебе пророческим казался.
Вот лодка, вот течение реки,
А там, за поворотом – лик вершин,
И всадник к перевалу устремится,
И спросит у меня мой старший сын,
Когда же наша Грузия случится.

И этот день пришёл, как божий свет,
И было утро, и пребудет вечер;
Храм на горе и улочек секрет
Радушием твоим очеловечен.
Мне бабушка пекла горячий хлеб,
Кахетия вином меня поила,
И быстро таял виноградный снег,
И в горы уходил набраться силы.

К себе домой в тот день вернулся я.
Да будет вечной Грузия моя.

2017

«Кахетия. Алазанская долина...»

* * *

Кахетия. Алазанская долина. Цинандали. Имение Александра Чавчавадзе. Издалека, из глубины пространства и времени – «Вальс» Грибоедова. В особняке тихо; много предметов 19 века, много трогательных мелочей, деталей. Картина Роберта Стуруа «Портрет Нины Чавчавадзе». Красива, юна, бессмертна. Здесь Александр Сергеевич Грибоедов читал «Горе уму» – одну из первых сценических версий своей комедии. И снова его «Вальс», затем Шопен – музыка любви, человеческих страстей. В пантеоне на Мтацминде звучит эта музыка. Она в сердцах проходящих сюда. На чёрном камне строки, как слёзы; для каждого – свои.

Из Цинандали мы двинемся в Алаверди – в храм, где идёт вечерняя служба. Нет света. Мерцают слабые огоньки свечей. Две женщины читают молитвы. Пастырь в белом хитоне вторит им. Молитва уходит под купол – в небо, к Богу.

И возвращается благословением.

2017

«И опадала брeнная листва...»

* * *

И опадала брeнная листва,
Рассвет кружил. И наступало утро.
И ожил парк, и шумная молва,
Из той поры пришедшая как будто.

2017

«Отошли куда-то...»

* * *

Отошли куда-то
Все заботы наши.
Горы, храмы, ветер
И горячий хлеб.
Спит Батоно Миша,
Спит Батоно Саша,
Спит Илья Батоно, —
Коротают век.

Просто возникает рядом Цинандали,
Городок Сигнахи —
Первый твой маршрут.
Калбатано Дина,
Калбатано Валя,
Калбатано Лена
К Грузии прильнут.

Остановит только
Тихая молитва,
Монастырь вечерний
Да мирской уют.

Калбатано Ната,
Про святые земли
Праведные речи
Будто оживут.

А вино в бокалах
Янтарём задышит,
К медленным согласным
Гласные спешат; —
Спи, Батоно Саша,
Спи, Батоно Миша,
Спи, Илья Батоно, —
Боги говорят.

2017

«Боржомское ущелье...»

* * *

Боржомское ущелье.
Снег прозрачный,
Мельканье лиц,
Летящий водопад;
И хлопья, как ресницы,
Обозначат
Неловкий взгляд.
Растают очень быстро
Наши встречи,
Умчатся далеко за перевал.
Боржомское ущелье;
Скоро вечер,
А в Цинандали бал.

2017

«Открывается храм на горе...»

* * *

Открывается храм на горе.
Вот совсем ненадолго,
Я знаю,
Синеватая дымка сползает,
На закатном сгорая костре.
А потом, переждав облака,
Как советует друг мой, Отари,
Сознаю, что дорога
Легка,
Когда в нас продолжается
Джвари.

2017

«Монастырь зелёный на горе...»

* * *

Монастырь зелёный на горе;
Маленький алтарь, негромко служба.
Так уютно, словно на дворе
Собираются на званый ужин.

Здесь спокойно исповедь течёт;
Все свои и к Богу недалече,
Так отрадно движутся навстречу
Все родные, все наперечёт.

Здесь теплей становятся друзья,
Здесь солгать неведомо и странно,
И украдкой молодость моя
Говорит со мной непрерывно.

Бесшабашно спорит и дерзит,
Ошибаясь, странствуя, переча;
Вот моя любовь идёт навстречу,
И так много вспомнить предстоит.

Хочется проснуться на заре

И увидеть след белёсых кружев.
Маленький алтарь. Негромко служба.
Монастырь зелёный на горе...

2017

«Посох ударит...»

* * *

Посох ударит
Молитвой ответит
Слово, как слово, —
Поверю ему.
А над ущельем —
Ноябрьский ветер;
Трудно ему – одному.
Не хорохорится
В солнечной Мекке,
Мягко кружит по горам;
И нагнетаются «белые снега»
По кахетинским дворам.
По Цинандали, Телави, Кварели
Ветер летит к облакам
И, озираясь в Панкисском ущелье,
Снегом врывается к нам.
Ветер – какое свирепое диво! —
Остановил свой полёт.
Грузия. Горы. Тепло и красиво.
Новая встреча грядет...

2017

«В ресторанчике у Резо...»

Р. Габриадзе

* * *

В ресторанчике у Резо
Возле кукольного приюта
Начинаем будто с азов
Вспоминать былого маршруты.
Будто на руку куклу надев,
Нашу жизнь, как софит, усмиряя,
И испить до дна, и испеть,
Чьё-то прошлое повторяя.

А Казбеги лежат в облаках;
Безрассудством безоблачной сини
Начинается эхо в горах,
Продолжается в сердце России.
У Резо продолжался обед;
За окошком – тифлиссские тайны,
И расписанный стол, как сюжет
Незаученный,
Непрощальный.

И скрещение наших судеб,
Перевалов, дворов и застолий;
И печёт наша бабушка хлеб
Из совсем ещё свежих историй
В ресторанчике у Резо
Возле кукольного приюта...

2017

«Я вернусь к тифлисским улочкам...»

* * *

Я вернусь к тифлисским улочкам,
Где балконит чудо дней,
Где история прищурится,
Где разлука всё сильнее.

Я плутаю по окраинам —
Мне далече до Куры,
Принимают, как хозяина,
Постаревшие дворы.

В них и радость и бессмертие,
Перепалок кутерьма,
И печальное известие,
И забытая война.

Словно чистое писание —
Крик бегущей детворы;
Всё в подстрочнике заранее
Оживает до поры.

И в знакомой старой булочной
Хлеб является на свет.
Я иду к тифлисским улочкам
Через много, много лет.

2019

«1991 год.» (Харьков. Спектакль М. Анджапаридзе)

* * *

1991 год. Харьков. Спектакль-импровизация «Мои несыгранные роли» народной артистки Грузии Медеи Анджапаридзе. Незабываемая встреча с удивительным человеком, высокой культурой, породой, поэзией. А сколько тем для режиссёра – «Импровизация на несыгранные роли»...

...На сцене только кресло, в котором сидит актриса. Никакого антуража, никаких движений. Льётся неспешная речь, и ясно видишь перед собой княжну, императрицу, прихожанку, комиссара...

«Княжна Медея. Тихий вечер...»

* * *

Княжна Медея. Тихий вечер.
Несыгранных ролей портрет.
Вот неотыгранная вечность
И непрочитанный сюжет.

И мечется воображенье,
И рвется Фирсова струна;
И запредельное паденье,
И тихой юности весна.

Слова негромкие роятся,
До мизансцены – целый шаг.
Вот где-то в коридорах Чацкий
С гримасой чести на устах.

И леди Макбет, гнев и сила,
Вот-вот на пьедестал взойдёт.
Медея нынче так любила...
А остальное все не в счёт.

И движется судьбе навстречу

Героев боль и торжество.
Княжна Медея. Тихий вечер.
Грузинской речи божество.

1992

«Мтацминда – долгосрочное свиданье...»

*** * ***

Мтацминда – долгосрочное свиданье.
Тифлис внизу – так близко облака.
И тихая записка на прощание:
Лечу. Пока!

2019

Картина художника Урушадзе

И. Бродскому

Вот старый город – старый эликсир,
Кувшин в придачу, солнечные крыши;
Однажды вслух произнесённый мир
Себя ещё пытается услышать.

Вот лошадь, всадник; вот открыта дверь.
Вот во дворах негромко песнопенье.
Юродивый, от собственных затей,
Не помнит даже своего рожденья.

Вот круг гончарный, старый половик
Постеленный. И место для молитвы.
Вот поле, отрешённое от битвы;
Вот от зимы ушедший снеговик.

Всё есть, и всё исчезнет в сей же час,
И бег вре́мен в разбитой черепушке
Споткнётся. Чья-то детская игрушка
Находит нас, соединяет нас.

И дым пойдёт, повиснут облака, —
Всё, как вчера, волнует и тревожит.

Кирпичики мой старый мастер сложит
И молвит чудодейственно: Пока!

Всё изнутри. Снаружи только след,
А значит, ничего уже не значит,
И только нарисованный букет
Вчерашней встречей молча обозначен.

Вот старый город. Он ещё для нас:
И радуется, прошлым воскрешая,
Достраивает медленно «Парнас», —
Зайти туда как будто разрешает.

2014

«Я почему-то не приезжал к тебе, мой город...»

* * *

Я почему-то не приезжал к тебе, мой город...

Я не видел твоих гор, покрытых библейской пеленой, не входил в глубокие воды Севана, не поднимался к храму IV века, где свечи и годы плавают одновременно... Я не останавливался, замороженный, перед каскадом высоты и не стремился взобраться наверх, откуда город кажется ещё красивее. Где он летит, оброня молитву Нарекаци, ловя звуки удивительной армянской музыки...

И вот я приехал к тебе на свидание, Ереван.

2013

«Возвращаемся, Севан, возвращаемся...»

* * *

Возвращаемся, Севан, возвращаемся.
В тихом храме над свечою покаемся.
Звезды рады твоему возвращению,
У людей и звёзд то взлёт, то падение.

Возвращаемся, Севан, в годы ранние,
К нашим улочкам, домам и окраинам.
К нашим песням под зурну,
 к плачам горестным,
В нашу долгую весну старой повести.
Где в надежде по слогам начинаемся.
Возвращаемся, Севан. Возвращаемся.

2013

«Всё было так: и лес на посошок...»

Свете Перчихиной (Розенреттер)

* * *

Всё было так: и лес на посошок,
Весна и осень, листьев постоянство,
Но ты ушла... Серебряный рожок
Не будит наше тихое пространство;
Не теребит прощенье белых зим
И не тревожит солнечных июлей.
Тот выстрел, что казался холостым,
Не досчитался настоящей пули.

А так – всё то же. Та же боль с утра,
И детвора песком куражит замки;
И графика похожего «вчера»,
Застыла в безнадежно чёрной рамке.
Всё было так, и всё произойдёт —
И тихий свет грядущих полнолуний,
И то, что знаем мы наперечёт,
И то, что нам когда-то не вернули.

Всё, как вчера, надолго, навсегда
С тобой ушло и медленно случилось.
А вечером упавшая звезда
К тебе за светом молча обратилась,
Но невзначай угасла без следа.
Всё было так, воистину, на миг
Причудливо, игриво, безмятежно.
И осень, не расслышав чей-то крик,
Оставит след на кромке белоснежной.
Всё было так...

2014

«Как осень уходит...»

* * *

Как осень уходит —
Она по-хозяйски уходит.
Текущие реки
Спокойно во льды переходят,
Земля от мороза
Становится более жёсткой,
Дорога – длинней,
И далече мои перекрёстки.
Как осень уходит —
Теряется в жёлтых приметах...
Как будто недавно
Бродило прозрачное лето,
А нынче пора
С этой тёплой приметой прощаться.
С зимою суровой
Встречаться, встречаться, встречаться.

2015

«Если ты вернёшься ко мне...»

Л.Т.

* * *

Если ты вернёшься ко мне
На один день, на одну ночь,
Если сядешь в тот же вагон
На той же станции,
Если часы и минуты,
Метели и дожди
Отмеряют нашу вечность,
Если глаза твои
Прикоснутся к моему
Одиночеству,
Я поверю в Бога,
К которому шёл
По длинной смоленской
Лестнице.
Если ты вернёшься ко мне —
Постучись, хотя бы за несколько
Лет.

«На ступеньке вагона...»

* * *

На ступеньке вагона —
Ветер, кричащий в спину;
На ступеньке вагона —
Солнце прожжёт насквозь;
На ступеньке вагона —
Белее кажутся зимы;
На ступеньке вагона —
Прошлое – не всерьёз.

На ступеньке вагона —
Вижу тебя воочью;
Километры, строчки
Торопятся наяву.
Остановка была
Вчерашней недолгой ночью...
Уходя от вокзала, понял:
Ещё живу.

«В небольшом ресторанчике в Москве...»

* * *

В небольшом ресторанчике в Москве назойливо громко звучит песня Пугачёвой «Так же, как все, как все...» В 70-х мы наблюдали появление интересного композитора Бориса Горбоноса, впоследствии оказалось, что это Алла Пугачёва.

...Моя маленькая квартира в городе Клинцы Брянской области. Погиб участник моего театрального коллектива Володя Мищенко. Все собрались у меня. Трепетно вытаскиваем диск из конверта. Великая певица поёт: «Так же, как все, как все, как все». Под эту музыку все плачут и смеются. Горе утраты и радость встречи, тёплых воспоминаний. 80-е прошлого века. Всё, как будто вчера.

«Что-то очень знакомое...»

* * *

Что-то очень знакомое:
Кряду утро с дождём,
Искры дальнего грома,
Как в рапиде – подъём,
Петушиные крики —
Не поспать, не согреть,
Этот сон многоликий
Не дано досмотреть.
Жаркий день, как прощанье,
Что-то недосказал.
Вдруг забрезжит свиданье,
Но далече вокзал.
Нынче не плодоносят
Дерева, что вокруг,
Неприметная осень
Заходит на круг.

2018

«Челябинские мысли, миг музейный...»

* * *

Челябинские мысли, миг музейный,
Где все картины – на одной стене,
И Айвазовский с Шишкиным на сцене,
И зрители, довольные вполне.
Экскурсовод потянет к Рафаэлю —
Тот сиротливо жмётся на втором;
Вот маятник Фуко... Вот снег в апреле
Сменяется непрошенным дождем.
Скользит весна. Печально, неудобно,
И не спасают даже имена.
Челябинские долгие минуты,
Зачеркнутые напрочь письма.

2018

«Острова под крылом самолета...»

* * *

Острова под крылом самолета
Приземления радостный миг
И окликнет неведомый кто-то
Из чужих или, может, своих.
Пелена и негромкая радость,
И музея сиротская боль.
И останется где-то Челябинск
Со своей безысходной судьбой.

2019

Ю. Розум

Путешествуя по немецкой части горной Швейцарии, я вспоминаю связанный с этими местами эпизод из жизни моего друга, народного артиста России Юрия Розума.

Когда-то, ещё в молодости, он сыграл концерт в зале гостиницы альпийского городка Венген и его пригласили выступить в старинном замке на уступе горы. А потом просто оставили ему ключи, и он приезжал сюда учить Первый концерт Рахманинова. Здесь, на лесистых швейцарских склонах, звучала удивительная русская музыка.

Его мама и папа были замечательными музыкантами. С песнями известного баритона Александра Розума, постоянно звучавшими по радио, просыпалась вся страна. Мама пианиста руководила Академическим хором русской песни радио и телевидения. Атмосфера, в которой рос и воспитывался Юра, и теперь сохраняется в их квартире на Тверской. Она всегда полна людей, которых объединяет культ дружбы и любовь к искусству. В его квартирных концертах поют солисты Большого театра, играют студенты Гнесинки и, наконец, талантливые дети его Международного благотворительного Фонда, который существует уже много лет.

Его график расписан на годы вперёд, и я не перестаю удивляться скоростям его перемещения по планете и способности выдерживать такое нечеловеческое напряжение, притом

всегда оставаться в великолепной форме. То он с Кустурицей в Сербии на фестивале русской музыки, где возглавляет жюри; то концертирует в Харбине; а вот только что прилетел из Туниса и выкроил время, чтобы сыграть на моем юбилее в Питере. Вот он уехал в глубинку России, где проходят его замечательные фестивали, а 12 апреля – всегдашний концерт-посвящение в Звёздном городке... Всего не перечесть.

Я с ним долгие годы рядом. Помогал в сценарии к юбилею его отца, делал вместе с ним концерт в храме Христа Спасителя, консультировал по части организации концертов его Фонда, который стал мне близким. Я подключился к его работе как председатель правления, чтобы помочь систематизировать замечательные идеи Юрия Александровича. На моих глазах выросли дети, которые стали мировыми звёздами. В знак признания этой подвижнической деятельности две детские музыкальные школы – одна в российской Загорянке, другая на далёкой Мальте, названы именем Юрия Розума.

Его общность – «Братья по Розуму». На Вечер памяти Беллы Ахмадулиной, который я делал вместе с Б. Мессерером, он едва успел попасть после трёх авиаперелётов и с блеском сыграл грандиозного Шопена в память великой поэтессы. Потом мы долго готовили его большой творческий вечер в Колонном зале дома Союзов. То была моя идея провести его в этих знаменитых стенах бывшего Дворянского

собрания. Мраморные колонны, сверкающие люстры, великие имена... Эхо всей его жизни: искусства его родителей, его музыкальных собратьев, поддержки его друзей. Когда-то репетиция и концерт в Колонном зале были несбыточной мечтой, но благодаря усилиям сестры Юрия Александровича, замечательной Ирины Матусяк, и администрации Зала идея воплотилась в жизнь. Был полный аншлаг, невероятный успех. Юные таланты, народные артисты на равных растворялись в музыке. Затем последовал юбилейный концерт в «Зарядье». После тяжёлой болезни он встал на ноги в короткие сроки и играл Шопена, Чайковского, Бетховена, удивляя и радуя друзей, поклонников, слушателей.

Среди 2-х десятков наград и титулов Ю.А. Розума есть орден «Рыцарь науки и искусства». Таковым по жизни он и является – великий русский музыкант Юрий Розум.

2019

«В баритоновом детстве...»

Ю. Розуму

* * *

В баритоновом детстве,
Где тихо плывут облака,
Мы живём по соседству
И молоды очень пока.

В нераскрытые двери
Неслышно крадётся февраль;
И забыты потери,
И музыка бьёт через край.

В баритоновом мире
Уже подтянулись басы;
Мы как будто забыли
Взглянуть поутру на часы.

Снег метёт осторожно,
По кругу спешит циферблат.
В этой жизни тревожной
Ничто не вернётся назад.

Повторится виденье,
Где музыка рвётся сквозь сон,
И как будто спасенье,
Звучит и звучит баритон.

2014

«Взрослеем, стареем, мудреем...»

* * *

Взрослеем, стареем, мудреем,
Придумываем вопреки;
Тропинка осенняя зреет,
Ведёт нас к началу реки.
Почти незаметно течение,
Теряется тень в зеркалах.
Маэстро играл сочиненье
В моих повзрослевших дворах.
И музыка что-то находит,
И где-то в тревожной дали
Задумчиво флейта выводит
Негромкие ноты свои.

2014

«По приёмнику, что далече от сцен...»

* * *

По приёмнику, что далече от сцен,
Потихонечку наиграет Шопен.
Забываются перебранки и спор —
Начинается то минор, то мажор,
То присутствие, то опять – в никуда;
Как предчувствие зашумят поезда.
Где-то станция – да нужна ли она?
Грянет стансами на задворках Весна!
Мысль рояльная потечёт, потечёт;
Привокзальное расстояние – не в счёт.
По приёмнику, что далече от сцен,
Потихонечку торжествует Шопен.

2016

«В 12 от Шопена вышел...»

* * *

В 12 от Шопена вышел,
Ключ повернул и дверь закрыл.
И барабанил град по крышам
И тихо в полночь уходил.

Звучали ноты повсеместно —
От фонарей до облаков,
И продолжал играть маэстро,
Взрывая тишину шагов.

Подслеповатые неоны,
Уютный абажур в окне
Уже читались отстраненно,
И чуть подыгрывали мне.

И дворник, в арке исчезая,
Так ненавидя белый снег,
Неслышно гаммы повторяя,
Швыряет музыку на всех.

Пригоршнями глотаю звуки,

Не подчиняя, не виня, —
И, как непрошенные муки,
Сгорают около огня.

И обрастают сновиденьем
И скоротечностью обид;
И проступают объясненьем,
Где не поверить предстоит.

Где подобраться – не пробраться,
Где доглядеть – недоглядеть;
Где просто быть и состояться,
Или неведомо прозреть.

Где колесницы беглой Трои
Тиранство в бегство обратят;
Где мы встречаемся с тобою,
Где улицы идти велят.

У каждого своя минута.
И, уходя от старых стен,
Пускай пригрезится кому-то
Ещё не сыгранный Шопен.

«И музыка набело, набело...»

* * *

И музыка набело, набело,
Миня черновики,
С тобою сегодня ладила,
С тобой писала стихи.
Немного во сне лихорадило
И оберегало незря.
И всё-таки – набело, набело, —
До шепота сентября.

2014

«На стену, где солнце...»

Е.Д.

* * *

На стену, где солнце
Глядит из окна,
Приблизится дождь
Позабытого дня.

Он будет печален
И радостен, всё ж
Он будет начален —
Он всё-таки дождь.

И там, на стене,
Уместится вполне
И каплей застынет
По чьей-то вине.

И, главное, он
Никогда не пройдёт, —
И солнце не в счёт,
И разлука не в счёт.

Не знаешь, что будет
У нас впереди,
Пока не просохнут
На стенах
Дожди.

2017

«Твоя карта висит у меня на стене...»

К. Токареву

* * *

Твоя карта висит у меня на стене.
Твой пергамент – отметки на божьем челе.
Отыщу – не найду,
Не найду – отыщу
Те места, по которым
Ночами грущу.
Те сады и тревоги,
Гекзаметр рек,
И дороги, дороги
В рассыпчатый снег.
Где по следу, по следу,
На скрипочке дня
Я уеду, уеду, —
Не ищите меня.

«Утрачена в строке простая запятая...»

А. Апостолову

* * *

Утрачена в строке простая запятая.
До точки далеко, до осени – едва.
Всего-то ничего – безделица лихая,
Но вот из-за неё мешаются слова.

И восклицаний пыл стихает, непонятный,
И ударений шквал всё хлещет невпопад.
Один простейший знак, поставленный невнятно, —
И все мои слова покатаются назад.

И сдвинется закат, грозою мчат тревоги;
Все кажется «потом», а за окном «сейчас»;
И скрещены пути, мучительны дороги,
И детвора бежит – за нею глаз да глаз.

А где-то посреди, от жизни уставая,
Потянешься вперёд куда глаза глядят,

И чёткая, как след, возникнет запятая,
И этот хрупкий мир воротится назад.

И пожелает нам счастливых многоточий,
Рябиновой зари, холодных январей;
И ветреный апрель разбудит долгой ночью,
И чудо запятой мелькнёт в судьбе твоей.

2017

«Трава и снег...»

*«Февраль. Достать чернил, и плакать!»
Б. Пастернак*

* * *

Трава и снег, Зима и слякоть.
Чернила кончились —
Черед поплакать.
Всё, видит Бог, произойдёт:
Ноктюрн упрямый марш спасёт,
Потом немислимый фагот
Как наваждение случится,
И настроение родится,
И дивный март к нам снизойдёт.

2001

«О, как я Вас тогда любил!»

* * *

О, как я Вас тогда любил!
И, перед Пушкиным робея,
Стихи в гончарной мастерил,
Сушил их, показать не смея.
И «Незнакомки» поворот
Твоим до странности казался;
Догнать как будто порывался, —
И отставал, наоборот.

2014

«В среду утром 21-го...»

К.Б.

* * *

В среду утром 21-го,
Возвращаюсь я к тебе.
Слухи верные, неверные
Барабанят по судьбе.
Мысли чёткие, нечёткие
Каламбурят где-то там,
И промчатся дни короткие,
Не приближенные к нам.
Всё равно приеду заново,
Всё равно вернусь на свет,
И под бахромой диванною
Проведу остатки лет.
Мир загадкою неверною
Снова нахлобучит тень.
Я приеду 21-го,
В это утро, в этот день.

«Вы как-то о своём...»

Вале

* * *

Вы как-то о своём,
А я на облучке.
Так мы живём
Вдвоём
На малом пяточке.
Принципиален взор,
Глаза почти на вдох,
И праведный укор —
До самых малых
Крох.
Мы встретимся,
Когда...
Мы встретимся... потом.
Минуя города,
Я торопился в дом.

2017

«Когда божественно мосты...»

Вале

* * *

Когда божественно мосты
Разводят тишину,
Я вижу: где-то рядом ты.
Где рядом – не пойму.

Когда упрямая волна
У берега в плену,
Я вижу: где-то рядом ты.
Где рядом – не пойму.

Не расставаясь ни на миг,
На грани дня и сна,
Учу, учу не свой язык, —
Тому твоя вина.

Но где-то посреди дорог,
Когда утихнет боль,
Я повторяю свой урок,
Придуманный тобой.

В нём гласные, как провода,
И звуков оберег.
Я их произношу всегда
И коротаю век.

А что согласные?
Так их я выучить не смог.
Горят вечерние огни
Надеждой между строк.

2017

«Читаешь Пушкина, листаешь...»

Вале

* * *

Читаешь Пушкина, листаешь
Всё восклицаешь, вопрошаешь,
И только мельком оглашаешь
И думать, думать заставляешь.
Найдёшь спасительные слоги —
Они перешагнут канун
Как гордецы, как недотроги,
Как омовенья гордых струн.

И будут главы от безглавья,
Чудные мысли, как приют,
Где хлеб с подсолнечным дают,
Где счастлив луг от разнотравья;
Где всё сложить – не уложить,
Где перевес ржаного хлеба;
Однажды прочитаешь жизнь,
Тебе дарованную небом.

Однажды, словно бы впервой,

К тебе придёт и вновь прорвётся
Твое ненайденное солнце
Над горделивой головой.
И будет сон, и суета,
И детский смех, что лет не знает,
Где музыка нас повторяет, —
Увы, не множит. Неспроста.

2017

Туминас

Мне нравится видеть Римаса Туминаса в его театре. Вот он движется к своему кабинету, с кем-то здоровается, вот выходит на поклон под нескончаемые овации. Хозяин Вахтанговской Ратуши, хозяин дома, который передается из поколения в поколение. Я не пропускаю ни одного его спектакля; с неизменным интересом слежу за всем, что он делает, что придумывает. Как из своего бывшего детища – Вильнюсского театра – этого полигона идей, он трепетно переносит их в другую действительность, примеряя, отстраняясь и продолжая идти дальше.

У меня Туминас начинался с «Дяди Вани». Много интересного видел я в Чеховском театре. В 80-е поразил Петер Штайн, не забылся «Дядя Ваня» в кино у Андрона Михалкова-Кончаловского. Потом изящные «Три сестры» у Петра Наумовича Фоменко, где ты оказывался в самой жизни, среди героев. «Дядя Ваня» Туминаса – это был стопроцентно мой спектакль. Появление и исчезновение персонажей. Контур человеческой жизни, где ты есть, и тебя нет. И всё-таки жизнь есть жизнь – с её характером, странностью, болью, радостью и неповторимостью.

Прочтение пушкинского «Евгения Онегина» у Туминаса просто оглушительное.

С любовью, задиристостью, с мелочами и подробностями,

принимая во внимание его, Пушкина, рисунки, дух и атмосферу века. Столько знания и необычности, сосредоточенности и лёгкой фривольности, и истинной любви к живому слову классика.

Два Онегиных, два Ленских, одна боль, одна любовь, одна Татьяна.

Русский спектакль литовского гения – подарок всему миру. Всем, кто читал, перечитывал и кто ещё будет читать Пушкина.

После такого Гран-при трудно ставить что-то новое. Но вот появляется «Царь Эдип» и мы видим сегодняшнее и, как всегда, вдумчивое и глубокое по сути прочтение античной классики. Площадь и дом. Публичное предательство и личная трагедия. Бочка вот-вот дотянется до ВАС. Время – судья. А пока не затронет, мы терпим.

Молодые актёры на Малой сцене делают свой театр, готовятся премьеры, постоянно подыскивается интересная работа для корифеев театра, открывается новая Симоновская сцена, продолжаются потрясающие уроки Мастера.

2018

* * *

Туминас – это множество проживаний в одной мизансцене; рифма и ритм; найденное на острие времени и поэзии; уходящий и приходящий Чехов; таинство Пушкина.

Римас – волшебный читатель и умный рассказчик.

Импрессионизм от Туминаса.

Лувр от Туминаса.

Модерн от Туминаса.

Авангард от Туминаса.

Премьера от режиссёра.

2015

«Я не про театр – я про жизнь...»

Туминасу

* * *

Я не про театр – я про жизнь, где просто быт,
где суета – дренаж непрочных суток;
где вот уже полжизни нас штормит
и штиля не увидим мы как будто.
Такая оголтелая гроза
вдруг в тихий день неслышно превратилась,
и мизансцена запросто родилась, —
тем пальчиком, по Пушкину, грозя.

2014

«Шар залетит, отчаянно бильярдный...»

Туминасу

* * *

Шар залетит, отчаянно бильярдный, —
Удар наотмашь, словно по лицу.
Повалит снег с бессилием злорадным.
Дуэль. Затмение. Всё близится к концу.

Открыв глаза, пойму, что это сон;
Лишь пуля над предсердием застрянет,
И всё опять тяжёлой явью станет, —
Судьбу минуя, выйду на поклон.

И снова шар снуёт передо мной
И к лузе он сегодня не пробьётся.
Я пропустил удар. И не придётся
Сегодня разговаривать с тобой.

«До Менлихена горы, горы...»

Р. Туминасу

* * *

До Менлихена горы, горы,
До Менлихена – облака.
Я иду уже год который,
И устал я уже слегка.
Но мне нравятся эти склоны,
Эти тропы и шум дорог.
Рядом поезд идет нескорый,
Словно скорым большой упрёк.
Но чем медленней, тем красивей
Повторяться и повторять,
И у этой небесной сини
Что-то новое открывать.

2015

«Март 2018 года. Смотрел спектакль Аллы Демидовой...»

* * *

Март 2018 года. Смотрел спектакль Аллы Демидовой и Кирилла Серебренникова «Ахматова. Поэма без героя». Невозможно об этом не сказать. Спектакль идёт час с небольшим. В его оформлении – мотив лестницы: ступеньки вверх – вниз, вверх – вниз. Алла Демидова просто и незаметно сотворила маленькое чудо: спустя некоторое время я слышал не знакомый голос известной актрисы – я слышал голос удивительного поэта Анны Ахматовой. Глоток истинной свободы, глоток чистой поэзии, потрясающие уроки мастерства. Там, где значимость строк достигает апогея, актриса напрямую обращается к нам, – взывая, негодуя, предостерегая.

К нам обращается Анна Ахматова, чей голос звучит сегодня ещё сильнее, чем вчера.

* * *

После спектакля потянуло вдруг в свои архивы. Ещё один

экскурс в прошлое: стихи, фотографии, журнальные и газетные вырезки... Попалось на глаза одно из моих любимых стихотворений – «Остановиться, оглянуться» Александра Аронова, замечательного поэта и журналиста. Опубликовано когда-то в «Московском комсомольце» в рубрике

«На первую полосу», оно очень созвучно той мысли, тому настрою, с которым я собирал эту книгу. И в конце концов назвал её «Остановиться, оглянуться...».

2018

Остановиться, оглянуться

Л. Жуховицкому

*Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на выраже
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.*

*Ботинком по снегу скрипя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо, тихо улыбнуться...*

*Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!*

*Согласен в даль,
Согласен в степь
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться —
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.*

Александр Аронов

«Как давно и как недавно это было...»

* * *

Как давно и как недавно это было: открытие ленинградского балетмейстера Бориса Эйфмана; чудо-мгновения Фаины Георгиевны Раневской; галёрки, партер, ложи, до отказа заполненные вдумчивым, понимающим, взыскательным зрителем...

Я современник многих эпохальных театральных открытий и больших актёрских судеб, свидетель их достижений и неудач. Я помню, как прощался со сценой Сергей Яковлевич Лемешев, исполняя партию Ленского, как ложились к его ногам цветы, цветы, цветы...

Помню, как читал Пушкина перед своим спектаклем «Маленькие трагедии» Рубен Николаевич Симонов в Вахтанговском театре. Как задыхался от собственного гения Иннокентий Смоктуновский; как по мельчайшим крупичкам собирал роль Олег Борисов; как вдохновенно импровизировал Евгений Евстигнеев.

Канули в лету и остались живым переживанием только для их современников элегантно виртуозные па Андрея Ми-

ронова, гортанные откровения Владимира Высоцкого, потрясающая органичность Олега Даля. Но даже на этом звёздном фоне чудо-мгновения Раневской стоят особняком. Это своего рода блюз русского театра, с тончайшими градациями forte и piano, где такая неизмеримая глубина боли и такая непостижимая мера перевоплощения.

Я застал её Фелицату в спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше», поставленном в театре имени Моссовета Сергеем Юрским, переехавшим после опалы в Москву. Её появление на сцене сопровождалось лёгким гулом в зале – люди вставали, вытягивали шею, боясь пропустить, прозевать малейшее движение. Актриса совершала таинство перевоплощения во всё – это было ритуальное омовение слов, жестов, реплик, мизансцен. Вулкан утолял штиль. Где-то рядом вырисовывалась та «Мтацминда», та гора, на которой лишь Е.Н. Гоголева с её «Мамуре» да Верико Анджапаридзе могли стоять рядом.

Театр – колесница. Порою одну пядь проезжаешь всю свою жизнь.

* * *

В. Дельмар

«Дальше – тишина»

Купер Барклей – народный артист СССР *Р.Я. Плятт*

Купер Люси – народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР *Ф.Г. Раневская*.

Постановка *А. Эфроса*.

Это из бережно хранимой программки грандиозного спектакля 80-х, в котором сошлись три великих имени.

2018

В. Прохоров

В Театре «Около Дома Станиславского» смотрел «Магадан-кабаре». Праздник умной режиссуры Юрия Погребничко.

Об этом театре я когда-то узнал от замечательного актёра, моего земляка – Валеры Прохорова, который был ведущим актёром его труппы. В последние годы я не встречался с ним. В антракте подошёл к администратору спросить, где и как он, и она сказала, что его нет в живых уже 9 лет. Он умер в 2008-м в День театра.

Мы познакомились в 80-х в городе Брянске, когда он был ведущим актёром Брянского драматического. Революцией в театре было появление Ю. Погребничко. Его спектакль «Бешеные деньги» стал событием. Валера оставил брянскую сцену и уехал за Погребничко в Петропавловск-Камчатский, а затем перебрался вместе с ним в Москву. Роли, сыгранные им в Театре «Около Дома Станиславского», принесли ему звание лауреата Государственной премии РФ. С этим театром он много странствовал по свету: побывал в Германии, Италии, Югославии, Франции, Бельгии, Швейцарии.

Трудно поверить, но актёром он стал случайно. До 22-х лет и не думал об этом. Обычное послевоенное детство, служба в армии, учеба в ракетной академии и вдруг, неожиданно для самого себя – театральный институт.

Валера играл в театре и в кино, снимался в знаменитых рекламных роликах банка «Империал». Был органичен и высокопрофессионален, удивлял тем, что в одном спектакле мог сыграть сразу несколько ролей. В пьесе «Нужна трагическая актриса» по «Лесу» Островского играл и Счастливецва, и Гурмыжскую, и настолько вошёл в её образ, что московские театральные критики выдвинули его «Гурмыжскую» на лучшую женскую роль года.

В 90-е я организовывал его приезд в Брянск со спектаклем «Сторож» по пьесе Г. Пинтера. Прекрасная актёрская работа, потрясающе выстроенная роль.

В Брянске жили его жена и дочь. «Две Мани», к которым Валера всегда возвращался. В этом городе он и похоронен.

Московский театр «Около дома Станиславского», Брянский драматический и все мы, его друзья, помним замечательного Валеру Прохорова, его роли, его скромность, неприязнительность и уникальную органику.

2017

«Май 2010 года. Иду на Шапиро...»

* * *

Май 2010 года. Иду на Шапиро. Адольф Яковлевич ставит во МХАТе «Обрыв» по роману Гончарова. Классическая литература на театре. Такой важный для наших дней Гончаров. Третий роман автора на букву «о» – он самый трудный; пишется целых 20 лет. «Пишу роман – получается жизнь, пишу жизнь – получается роман».

Режиссёр Шапиро сам написал свою версию «Обрыва», сохранив при этом авторский колорит коллизий и его влюбленность в эпоху. Работа Татьяны и Сергея Бархиных (художника-постановщика и художника по костюмам) придаёт спектаклю особую пластику, эстетику. Актёры О. Яковлева (бабушка) и А. Белый (Райский) слышат друг друга. Режиссёр мастерски выстраивает детали, настроения. Классика читается легко, с должным достоинством, что так важно для сегодняшнего зрителя. Мы стоим у «обрыва», наблюдая за действиями и переживаниями героев романа, мучаясь вместе с ними проблемами нравственного выбора, а по ту сторону от рампы жизнь течёт по законам своего времени, ставя перед нами всё те же вечные вопросы.

Гончаров написал жизнь – получился роман, так интересно прочитанный Адольфом Яковлевичем.

* * *

Вспоминаю, как мы ездили в Ригу, в его Театр юного зрителя. Там собиралась вся театральная тусовка и просто равнодушные люди. Там было легко, азартно, весело.

Открытка из Парижа

Дорогие мои!

Пишу из Парижа, и наслаждаюсь радостным хаосом вокруг. Влюбилась окончательно в этот город, в котором нахожусь много общего со старою Москвой или Петербургом. Русских точно уже видела, но больше всего туристов из других стран.

Собор Парижской Богоматери был для меня исключительным событием. Вдруг я поняла – я здесь, в том городе, о котором мечтаю давным-давно. Пусть у вас будет встреча с Парижем, а до этого – наша встреча.

Обнимаю вас крепко, крепко!

Лео.

25.02.95.

Это открытка из Парижа, который тогда был неведом и недосягаем. Это весточка от человека, описание дружбы с которым претендует на отдельные главы, а то и на целую книгу. Сегодня наша дружба менее трогательная, но раз от разу включается телефон и раздаётся голос, который я слышу вот уже 35 лет: «Илья, привет!»

Будто только вчера появилась наша маленькая компания в составе студента актёрского факультета ГИТИСа Андрея Родикова, студента режиссёрского факультета того же ГИ-

ТИСа Ильи Ицкова и стажёра из Германии Леноре Калер, которая занималась русской литературой в Краснодарском университете. Нас познакомил театр Маяковского (его филиал на Сретенке) в 1984 году. Мы слушали тогда монологи поэта в исполнении А. Лазарева. У Леноре был большой круг знакомых, и мало-помалу наша компания разрасталась.

Она родом из Веймара. Её родители работали в веймарских музеях, и она сама по себе музейный реликт. Блестяще пишет по-русски, по тем временам – эпистолярный бог, который в своих письмах дарил такую радость общения, такую чашу оттенков и настроений. Её дядя долгое время жил в Москве, и потому ей хорошо знакомы здешние музеи, имена, родословные, монастыри, храмы.

Её мир многообразен и искренен. В нём прекрасно уживаются Даниил Хармс и Иоганн Вольфганг Гёте, Шиллер и Владимир Маяковский. До сих пор помню, с каким загадочным выражением лица, особым настроением вела она меня к могиле Маяковского на Новодевичьем. С каким благоговением знакомила с замечательным русским писателем Сигизмундом Кржижановским и по абзацам разбирала предисловие В. Перельмутера, который открыл нам этого художника слова.

А пока открытка из Парижа.

«Проснуться в Париже. Окошко открыть...»

* * *

Проснуться в Париже. Окошко открыть.
Приветствовать осень и старые крыши,
И Бродского строки едва повторить,
И новое что-то под утро услышать.

Париж не ложился, он просто дремал,
Кувшинки Моне на озера ложились,
И дни, как дыхание, просто случились,
Как будто просились на этот вокзал.

Устроились, свыклись, друг друга нашли,
К Мане постучались, окликнули Берту,
И каждому дали всего по конверту,
Чтоб мы этот город для всех сберегли.

Чтоб всем улыбнулся слегка Фрагонар,
И Энгр незнакомкой своей обернулся.
По улочкам старым, по тихим дворам
Я слышу – Париж потихоньку проснулся.

2013

«Сударыня, кажется, март...»

* * *

Сударыня, кажется, март —
Летающий, дождливый, изменчивый.
Какой-то немислимый фарт —
К тебе приходящая женщина.

Едва прикоснувшись рукой,
Снимая котурны величия,
Становится Ваше Величество
Недолгой, но главной судьбой.

Сударыня, настезь окно,
Немного совсем нам отмерено;
И то, что с годами потеряно,
Открыть нам сейчас суждено.

Сударыня, март наступил
И даже немного закончился.
Он солнечным, радостным был.
Ведь правда же, Ваше Высочество.

Да, кстати, в Париже дожди,

И зимы мгновенно растаяли.
Нам всё еще, всё по пути,
Садитесь на поезд, сударыня.

2013

«Ноябрь 2009 года. Париж...»

* * *

Ноябрь 2009 года. Париж, который хотелось увидеть ещё раз. В своём недавнем путешествии на Атлантику мы преодолели этот город, так и не успев погрузиться в него по-настоящему. Словно так и не вошёл в тебя Нотр-Дам, Лувр, Дом инвалидов и Эйфелева башня – тростинка над помпезным замком. Правда, осталось отчётливое впечатление от Монмартра, Монпарнаса, Елисейских полей, пронзительного ветра и кофе на улице, сидя на стульчике лицом к Парижу. И только теперь, спустя четыре года, поселившись в гостинице рядом с Гранд-опера, мы уже не спеша, медленно бродим по берегам Сены. Слева Гранд-опера, справа Комеди Франсез, а посередине – монументальный бронзовый Жан Батист Поклен. Он же Мольер, и квартира, где он жил, улицы, по которым он ходил. История Парижа – это и история Мольера, которого сегодня ставят во многих театрах России.

В этом году в Малом театре играют «Кабалу святош», а в Гранд-опера отмечают 100-летие дягилевских Русских сезонов. Здесь проходит выставка, посвящённая этому событию. После выставки поднимаемся наверх, к истории уже иного

времени – смотреть плафон, расписанный по эскизам Шагала. Своего рода эксперимент в помпезном барочном храме Гранд-опера – великие позволяют приблизить к себе великих другой эпохи. Внизу, в подвале, декорации спектаклей первых дягилевских сезонов. Гранд-опера распродает костюмы той поры, их покупают наши эмигранты и передают в Бахрушинский музей. Россия и Франция – скрещение путей и судеб сквозь века: в театрах, на выставках, кладбищах, на крутых поворотах истории.

От Центра современного искусства им. Жоржа Помпиду открывается панорама Парижа. Это не очень высоко и всё самое знаменитое рядом. Ты прикасаешься и к историческим символам, и к современной истории. Правый и левый берег, а потом спускаешься в Латинский квартал, в старинные улочки, где вкусно пахнет хлебом из лавочек-пекарен, где людская молва быстро собирает песенный клуб. Все поют хиты Ив Монтана, Азнавура, Эдит Пиаф, поют и танцуют. Чуть выше – Пантеон, загадочная Сорбонна и Люксембургский сад, чьи аллеи хранят подробности истории любви Анны Ахматовой и Модильяни.

Вечером Париж затихает. Зажигаются гирлянды и прочие рождественские украшения, подсвечиваются Елисейские поля, серебрится Колесо обозрения, горит прожектор над Эйфелевой башней. И Париж как бы парит в воздухе, как когда-то в фильме Лямориса «Париж, Париж... Париж» – грустной истории, разыгравшейся между Лувром и

Монмартром, между королевской бравадой и нутром парижских улочек, где тишина – признание, где движение – продолжение жизни.

«2013 год. В фойе Гранд-опера...»

* * *

2013 год. В фойе Гранд-опера, этом изумительном бастионе-храме, большой портрет ушедшей от нас в этом году Пины Бауш, к которому люди всё ещё продолжают нести цветы. Мы тоже отдали дань памяти этой великой личности.

«Мы соболезнаем всем оставшимся без нее», – было написано в программке последних московских гастролей Театра танца из Вупперталя, где представили её спектакль «Семь смертных грехов», премьера которого состоялась в Париже. Удивительный Театр танца Пины Бауш играл и пел Бертольда Брехта и Курта Вайля. Пину Бауш, ученицу экспрессиониста Курта Йосса, который в свою очередь был учеником великого Лабана, реформатора и философа движения, интересовало не столько то, как люди двигаются, сколько то, что ими движет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.